

ТАТЬЯНА И ДМИТРИЙ ЗИМИНЫ

РАСПЫЛЕНИЕ-2

ПОЛУОСТРОВ СОКРОВИЩ

16+

Распыление

Татьяна и Дмитрий Зимины

**Распыление 2.
Полуостров сокровищ**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Зимины Т.

Распыление 2. Полуостров сокровищ / Т. Зимины — «ЛитРес: Самиздат», 2018 — (Распыление)

«Всему виною деньги, деньги. Всё зло от них, мне б век их не видать. За мной пришли. Спасибо за внимание. Сейчас, должно быть, будут убивать...»К. Ольга. Такое письмо отправила бывшая супруга бравому следователю Базилу Лумумбе накануне казни. Он должен разгадать все загадки, найти виновных, восстановить справедливость... И всё это - за семь дней.«Начнётся все с убийства тайны, В итоге кое-кто не соберет костей, А городок, который мог бы быть курортом, Объектом станет дьявольских страстей...»П. Гамаюн

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Обложка наша. Нарисована специально для книги.

Глава 1

Иван

– А ничего так они похороны справляют. Даже карусель есть, – сказала Машка, оглядывая пляж.

– Странная штука жизнь, – согласился Лумумба. Сегодня мы наслаждаемся её дарами, а завтра...

– А завтра расследуем убийство, – отрезала Гамаюн. – И советую поторопиться. Время уже пошло... О! Вон, блины продают, – ворона перескочила с моего плеча к наставнику, умильно заглядывая в глаза. – Купи птичке блинка!

– Сытое брюхо ум притупляет, – отомстил ей учитель, отворачиваясь от снеди и устремляя взгляд на плот, пришвартованный к берегу.

– Не знал, что вы были женаты, – не обращая внимания на вороны вопли, я тоже смотрел на плот. Костер еще не запалили и на поленнице, на самом верху, можно было разглядеть тело князя, укрытое до подбородка. – Почему вы никогда об этом не говорили?

– Давно это было. Чего теперь вспоминать, – вяло махнул рукой Лумумба.

– Пошли, а то всё сожрут, а нам не достанется, – горячилась птица. – И рыбьих деток возьми. Вон тех, черненьких.

– Да вы-то никогда и не забывали, – хлюпнула распухшим носом Маха. – То-то кинулись, как на пожар, стоило ей пальчиком поманить.

– При всем уважении, мадемуазель, это не ваше щенячье дело, – спокойно так, даже добродушно, отвечив Лумумба, всё-таки направляясь к лотку с блинами. – И впредь, раз уж вы пристали к нашей компании, советую испытывать к моей особе приличествующие статусу ученика трепет и пиетет.

– А то что? В лягушку превратите?

– Хуже. В червяка. Желтого земляного червяка.

Блинами торговала румяная тетенька в цветастом платочке, завязанном на лбу наподобие медвежьих ушек.

– Почем блины, красавица? – спросил учитель, доставая кошелек.

– За три копейки – канарейку, а блинок – за алтын, – улыбнулась продавщица.

– А давай на рубль, – учитель бросил в блюдце золотую монетку.

Тетка посмотрела с уважением и, протягивая пухлую кипу завернутых в бумагу блинов, добавила пластиковый стаканчик с медом.

– Почин дороже рубля, – сказала она, пряча монетку в карман обширного фартука.

Достав из жилетного кармана петушка на палочке, Лумумба протянул его тетке.

– Долг платежом красен.

– Да пошли уже... – взмолилась Маша. – Есть очень хочется.

– Прально, – согласилась птица Гамаюн. – Правда, чего тут есть-то? Разве что червячка заморить... – и ловко увернулась от Машкиного пинка.

Усевшись прямо на нагретые солнцем камни, мы принялись за еду. Вредная птица доби-лась, чтобы ей, в благотворительных целях, пожертвовали всю икру, и теперь радостно скле-вывала черные шарики.

– Вообще мне здесь нравится, – сказала Маха, макая свернутый блин в мед. – И весело и вкусно...

– Пиры, или тризны, в погребении умерших имеют важное, можно сказать, стратегическое значение, – назидательно прокаркала птица Гамаюн. – Как напоминание живым, они символизируют... – незаметно протянув руку, Машка выдернула из хвоста вороны перо. Та подскочила.

– Ай! Чего дерешься?

– Перестань нудить. Аппетит только портишь, – моя напарница потрогала кончик стержня пальцем и слизнула выступившую каплю крови.

– Отдай! – подскочила к ней птица, забыв про икру.

– Фиг тебе, – Машка спрятала перо за спину. – Было ваше, стало наше. Я из него дротик сделаю.

– Какой такой дротик... – Гамаюн, грозно встопорщив оставшиеся перья, пошла на Маху, но Лумумба, выхватив из кармана еще один леденец, сунул его вороне в клюв. Закатив глаза, я отвернулся. Как дети малые, честное слово...

Невдалеке от нас, отгородившись лоскутной занавеской, выступали скоморохи: длинноносый Петрушка с шутками и прибаутками дубасил толстого боярина в высокой шапке. Публика, лузгая семечки и прихлебывая пиво, с удовольствием ржала. С другой стороны силач в полосатом трико жонглировал гирями – вокруг него народу было заметно больше. Еще дальше, под парусиновым тентом, выстроились игровые автоматы. Оттуда доносились "Пиу, Пиу" морского боя и "Бах! Бах!" танковой атаки.

– Уважаемые граждане! Не забудьте почтить память князя, выпив его любимого пива "Княжеского"! Ларек купца Сальникова, главного поставщика двора, находится возле пирса, с левой стороны...

В небе медленно и вальяжно проплывал воздушный шар веселенькой красно-желтой расцветки. Из корзины торчал раструб громадного громкоговорителя.

– Не похоже, чтобы по князю кто-нибудь скучал, – Машка, задрав голову, любовалась шаром.

– Всяк волен выражать скорбь по своему, – ответил Лумумба, вытирая пальцы платочком. – Не обязательно драть ногтями лицо и посыпать голову пеплом.

– Особенно, если на этом можно заработать, – птица Гамаюн, доклевав последние икринки, взгромоздилась мне на плечо. Я невольно поморщился: весила она килограмм десять, не меньше.

– На шею не дави... – попенял я вороне, но та только переступила лапами, прорывая железными когтями рубаху.

– А что еще вы заметили, кроме веселья? – строго спросил учитель. – Клюв скотчем заматаю, – пригрозил он птице, которая уже разявила варежку для очередной скучной лекции. Та вопросительно покосилась на меня. Я сурово кивнул.

– Стражники, – сказала Маша. – Слишком много стражников.

– Здесь их зовут дружинниками. – поправил Лумумба.

Я внимательно оглядел цепочку людей в форме. Среди пестрой толпы они были единственными, кто вел себя соответственно печальному моменту. Черные броники, каски, высокие шнурованные берцы, неподвижные, суровые лица... На груди каждого, дулом в песок, новенький АК.

– Стена вдоль берега мощнее и выше, чем с другой стороны, – сообщила Маха. – И пушки.

– Посмотрела бы я, как вы обойдетесь без пушек, когда из воды гигантские Кайдзю попрут, – проворчала Гамаюн.

– Кайдзю?

– И левиафан, и кракен, а еще этот... – она посмотрела в небо, будто там была подсказка. – Лиоплевродон. Такой водный динозавр, зубастый – просто ужас. После гибели Мурманска тут много кого расплодилось. Только успевай отстреливаться... О! Тухлая рыбка! – спрыгнув на песок, ворона хищным подскоком ринулась на какую-то дрянь и, разогнав мух, принялась с энтузиазмом клевать.

– А там кто?

Взобравшись на камушек и приставив руку козырьком к глазам, моя новая напарница рассматривала группу на помосте под красивым тентом, на полотнище которого светились громадные золотые буквы MOZK.

– Вероятно, бояре, – не глядя ответил Лумумба. – Члены правления золотодобывающего концерна.

– Покупайте футболки с портретом Князя Игоря! – вдруг заревело над головой. – Купите, и лик Великого Вождя не покинет вас никогда!

В воздухе развернулось гигантское полотнище. С него, как непокоренный Че Гевара на революционеров, взирал, вестимо, сам покойный. Машка мстительно прищурилась на воздушный шар:

– Интересно, а нельзя его как-то сбить? – а потом вздохнула. – Разве что из РПГ... Да где ж его взять-то?

Ветер принес густой, низко вибрирующий гудок: в порт, расположенный дальше по берегу, входил сухогруз. Даже отсюда было видно, что в доках работа не прекращается ни на миг. Кивали длинными шеями краны, по воздуху летали многотонные контейнеры, то и дело слышался лязг опускаемых цепей и скрип лебедок. По разгрузочным пирсам сновали грузчики. Автомобильные шины, мешки, ящики, пакеты... Обед, как говорится, обедом, а война – по расписанию.

Со стены грохнула пушка. Звук покатился над заливом, оставляя за собой гулкое эхо.

– Плут отбывает, – сказал я. – Эх, жалко, тело осмотреть не удалось.

– Нас бы всё равно не подпустили, – Лумумба поднялся и приставил ладони трубочкой к глазу, на манер подзорной трубы. – Черт, ничего не видно... Может, это вообще не князь. Выставили на всеобщее обозрение куклу...

Мы поднялись и пошли к берегу. Свинцово-серые тяжелые волны накатывали на серый прибрежный песок, в их серой масляной глубине отражалось тоскливое серое небо... М-да, поэтом лучше мне не быть.

Тот берег еле виднелся – просто темная полоска скал. Но над ними парило что-то громадное. Я попытался всмотреться, но глаза заслезились.

– А вы были знакомы с князем? – лично меня бы не удивило знакомство Лумумбы даже с чертом. Хотя с чертом, по правде говоря, он действительно знаком.

– Виделись пару раз, в Москве. Мы с Ольгой входили в комиссию по выработке монетарной политики. Игорь лично приезжал на переговоры.

– Так вы знали, что ваша бывшая вновь выскочила замуж? – Маша, хлюпнув, вытерла нос рукавом. Лумумба закатил глаза, и достав из кармана платок, протянул ей.

– Что за манеры, мадемуазель. Вы же девушка...

– Монстрам обычно по барабану мои манеры. Так что с вашей бывшей?

– Зато мне – нет. А с бывшей... То есть, с Ольгой, – разумеется, знал. Мы же были коллегами. Пока она в Великие Княгини не подалась.

– Ясно. Обиду, значит, всё-таки держите.

– И ничего я не... – Лумумба замолчал, наконец-то сообразив, что Маха его троллит.

– Вы тут стоите, а гроб, то есть, плот, уплывает, – засуетилась птица Гамаюн. – Как блины жрать – так вы первые, а как убийство расследовать...

– Ты же сама верещала, что жрать хочешь! – не выдержал я. Да если б не ты, мы бы уже давно...

– Не ссорьтесь, дети. Щас всё будет, – Лумумба повернулся и критически оглядел меня с ног до головы, бормоча про себя: – Юпитер в доме Сатурна, Стрелец ушел в тень...

– Но-но, – предчувствуя недоброе, я спрятался за Машку. – Вы мне это прекратите. Не люблю. Пусть Гамаюн слетает.

– Она слишком заметная. Тут тонкота нужна...

– Тогда Машку превращайте. А меня после ковра-самолета до сих пор тошнит.

– А вот это... – Лумумба поднял руки, готовясь произнести заклинание. – Совершенно никого не колышет.

ЭРЕК. УЮ. ЧОРС!

В следующий миг в моем теле образовалась необыкновенная легкость. Глаза свободно, не испытывая никакого неудобства, развернулись назад и я увидел собственную спинку, покрытую жесткой черной с прозеленью, щетиной. Меж лопаток расправились и загудели радужные крылышки. Гамаюн, став вдруг железной громадиной, подскочила и устала на меня круглый бездонный глаз.

Показав ей неприличный жест сразу четырьмя лапками, я поспешно взлетел. Ветер тут же меня подхватил и понес наверх, в сияющее чистое небо.

– Рассмотрю там всё хорошенько. – напутствовал Лумумба. – Да побыстрее. Одна лапка здесь... – остальное унес ветер.

Подо мной опрокинулась синяя широкая река, и я сообразил, что это и есть Кольский залив. На берегу, в узкой полосе между тайгой и водой, приютился город – деревянные терема, мощные дубовыми плашками улицы... В центре, как одинокий палец в неприличном жесте, высилась стальная башня, поблескивающая зеркальными окнами. Венчала башню золотая корона с ослепительными, сверкающими на солнце буквами: MOZK.

...Весь город, как в лукошке, уютно умещался внутри высокой железной стены. Принаравливаясь к ветряным потокам, я понесся над её краем. Перед глазами мелькали то грубые сварные швы, то круглые, похожие на шляпки грибов заклепки, то дула разнокалиберных пушек и пулеметов, направленных на залив...

Наконец, разобравшись с крыльями и воздушными потоками, я нашел казавшийся крохотной точкой погребальный плот и спикировал. Плот состоял из гигантских кедровых стволов – меня окружили запахи душистой смолы и бензина, которым полили бревна. На них возлежало неподвижное, укрытое пеленами тело. Голову охватывает золотой венец, глаза плотно закрыты, но борода упрямо торчит вверх. От тела исходит головокружительный, сладкий и манящий запах тления...

Опустившись на лоб князя, я приступил к осмотру, лапками ощущая восковую плотность кожи, а хоботом, как щупом, фиксируя малейшие нюансы.

Тело было омыто каким-то мылом – остались следы антисептика. Но в глубине ноздрей, среди волосков, сохранились запекшиеся сгустки крови. Я взял кусочек на пробу. Клетки эпителия, мертвые кровяные тельца, чуток сивушных масел, и... всё. Я разочарованно вздохнул: как было бы хорошо обнаружить следы яда, например. Раз, два – и дело закрыто.

Поползав у губ и взяв пробы слюны, не поленившись сползть даже в ухо, я мог уже сказать наверняка: в теле князя посторонних примесей нет. Хотелось над этим поразмыслить, но мушиные инстинкты не позволяли долго оставаться на одном месте.

Скрывшись под покрывалом, я попытался найти следы внешнего воздействия: удары кинжалом, например, или пулевое отверстие... Тоже ничего. Только длинный, грубо схваченный суровой ниткой шов через всю грудину и живот: вскрытие, значит, всё-таки делали. Надо будет запросить результаты... Напоследок проверил ногти на руках: если князь перед смертью дрался, под ними могли сохраниться частички чужой кожи, волос или одежды. Пусто. Или Игорь был дотошным чистюлей, или тот, кто обмывал тело, отличался скрупулезной аккуратностью... Ну ничего. Как говорит бвана, отсутствие результата – тоже результат.

И только под конец... я лихорадочно забегал вокруг одного места на бедре. Всего лишь слабая эманация, след чего-то металлического. Точнее, механического. Может, князь носил оружие? Надо будет уточнить, как пахнет оружейная смазка...

Со стены вновь грохнула пушка. Звук, распугивая птиц, покатился над заливом. Не успел он стихнуть, как в бревно рядом со мной впилась горящая стрела. Рядом с ней воткнулись вторая, третья. Политое бензином дерево занялось сразу, повалил черный удушливый дым. Стрелы посыпались, как огненный дождь, я в панике заметался. Огонь. Опять огонь...

Наконец, почти одурев от угарного газа, я сообразил подняться повыше и вылетел из облака дыма. Плот превратился в гудящий костер. Языки пламени, раздуваемые ветром, возносились на гигантскую высоту и от них в небо поднимался плотный столб жара.

Я, натужно гудя крыльшками, устремился к берегу.

Фух, еле долетел. О чем только думал драгоценный учитель? Слабое мушиное тельце не приспособлено для длительных перелетов! Просто повезло, что на полпути оказался сигнальный буй, на нем-то я и передохнул. Но всё равно. К берегу подлетел уже на последнем издыхании, и без сил рухнул на крышу белого тента с золотыми буквами. Нужно подкрепиться. Желательно, чем-нибудь сладеньким... Отдышавшись, нашел в парусине дырочку и переполз на внутреннюю сторону крыши.

За накрытыми белоснежными скатертями столиками, с бокалами в руках, сидело человек двадцать-тридцать. Высота помоста давала им возможность наблюдать как за толпой на берегу, так и за морем, где догорал, удаляясь от берега, погребальный костер.

Бояре, вспомнились слова Лумумбы. Члены какого-то там правления. Что ж, стоит посмотреть на них поближе.

Собирался изящно спикировать на край стола, поближе к тортнику, умопомрачительно-ванильный запах которого будоражил мушиное сознание, но промахнулся и с шумом плюхнулся в чей-то бокал. Бокал оказался с шампанским. И, смею сказать, весьма неплохим...

Ух ты! Никогда не принимал ванну из вина. Перевернувшись на спину и праздно заложив верхние лапки за голову, я закачался на янтарной волне. В голове приятно загудело. А жизнь, ребята, таки удалась!

– ...если не запустим в ближайшее время – хана компании, – я живо перевернулся и обратился в слух.

– А как же накопления?

– Какие какие накопления? Зарплату шестой месяц не даем, всё в уплату долга идет...

Надо мной нависла громадная рожа. Поры были что твои кратеры, а нос походил на рыхлую, в синих прожилках, картофелину.

– Ерш твою медь, чертова муха! – проревело над головой и меня, вместе с содержимым бокала, плеснуло на пол.

Хорошенько приложившись о доски, я на мгновение отключился. Бр-р-р... Интересно, мухи умеют блевать? Бяк... Оказывается, умеют.

Придя в себя и просушив крылышки, я попытался вновь взлететь на стол, да не тут-то было: то ли ветер крепчал, то ли навигационные навыки после ванны с шампанским сильно

ухудшились, но меня отнесло довольно далеко от тента. Пришлось покрутиться, чтобы поймать встречный попутный поток...

– Еще пара дней простоя – и старатели взбунтуются.

Остального не расслышал – вновь промахнулся мимо стола. Развернувшись и упрямо гудя крылышками, взял курс на боярина с короткой косой, заплетенной на затылке, и серьгой в ухе. Того, что выплеснул шампанское.

– Игорь заключил с ними договор, – послышалось слева.

– Но теперь его нет, и нойды не хотят даже разговаривать, – ответил мой боярин.

– Золото пробовали предложить?

– Смеются.

– По договору, председателем правления должна стать Ольга...

Меня опять отнесло ветром.

Пока развернулся, пока подлетел поближе...

– Сварог об этом и слышать не хочет.

– Тогда пусть сам разбирается.

– Он предлагает просто выжечь всё к свиням.

Уцепившись за громадную золотую серьгу в красном, с торчащими волосками ухе, я попытался перевести дух.

– Может, это и выход. Нет недовольных – нет проблемы. А пожары по летнему времени частенько случаются...

И только я решил, что наконец-то занял выгодную позицию, гигантская рука бесцеремонно смахнула меня на скатерть. Затем стремительно и неумолимо стал опускаться похожий на бревно палец... Фух! Еле увернулся. Повезло спрятаться за блюдом с тортиком, удачно оказавшимся рядом. С края как раз свисала аппетитная капля крема...

– Может, проще другое месторождение найти?

– Ага... А кто искать будет?

– Ну, Игорь же как-то нашел.

– Дак он геологом был. В той, прошлой жизни... Да и то в тайге чуть не загнулся.

– Но есть же карта...

– Только княгиня знает, где он её прятал. Но хрен она нам что скажет.

– Пообещаем свободу...

– А Сварог вместо нее нас посадит. Игорь его лучшим другом был...

Исследуя крошки на скатерти, я неосторожно подобрался к краю стола, и сильный порыв смахнул меня к самой воде. Пенные брызги намочили крылышки, я плюхнулся в ледяной прибой и чуть не захлебнулся.

Наконец, изрядно попотев, удалось выбраться из воды и устроиться вниз головой с обратной стороны помоста. Здесь было относительно тихо, порывы ветра почти не чувствовались. Песок внизу сплошь усыпан окурками, мятыми бумажками и пустыми бутылками.

Почистив крылышки и переведя дух, я споро пополз к тому месту, где сидели мои бояре. Женские голоса, обсуждают какую-то тощую Катьку... Не то. Мужской голос, рассказывает что-то похабное, затем – громовой гогот... Еще мужские голоса, как ни странно, говорят о той же тощей Катьке... Вот! Знакомый запах: копченая рыба и дорогой одеколон.

Голоса звучали глухо, сквозь скрип половиц и плеск волн, но кое-что всё же можно было расслышать. И тут...

Место было глухое, темное, у самого края помоста. В углу, возле свай, скопилась какая-то пыль, или паутина. И в этой паутине... Вам приходилось когда-нибудь видеть, как в полной темноте вдруг загораются электрические фары? Примерно это и случилось. Только загорелись не фары, а глаза.

Сначала вспыхнули два больших. Затем, один за другим – еще четыре, поменьше. И наконец, далеко по краям, еще два. Они загорались по очереди, в совершенном безмолвии. Я с интересом подполз поближе, пытаясь рассмотреть их обладателя.

И тут заработал человеческий мозг. Он спросил: кто может похвастаться сразу восемью глазами?

Мушиное тельце замерло. Лапки прилипли к доскам. Крылышки бессильно обвисли. Паук, маму вашу мушиную за ногу, вот у кого целых восемь глаз! ПАУК!

Почувяв добычу, громадный как кабан, черный, покрытый плотной толстой щетиной арахнид проснулся. Неторопливо, будто в замедленной кино съемке, он расправил длинные мощные конечности... На конце каждой был острый коготь – это я заметил уже в полуобмороке. Движения паучьих ног завораживали. Они двигались совершенно независимо от толстого, с красным крестом на спине, тела, они плясали, гипнотизировали... Они подбирались всё ближе...

Я попробовал собраться. Отключить мушиные инстинкты, на которые воздействовал паук. Я же человек! У меня есть крылья! Нужно просто улететь, только и всего. Так... А как это делается? Я попробовал напрячь спину. Пожужжать крылышками. Ничего не получается.

Дилемма: как муха, я не могу пошевелиться от страха, а как человек – не знаю, как управлять крыльями. Оставалось одно, самое распоследнее средство: закрыв глаза, я упал в обморок. И шлепнулся на песок под помостом.

Пришел в себя, отдышался... Далеко вверху растерянный хищник не мог понять, куда делась муха, которую он уже считал своей законной собственностью. Грозно шевеля хилище-рами, он сердито топотал по доскам и бурчал что-то ругательное. Жаль, я паучино не понимаю...

– Псс... – я вздрогнул и подскочил. – Эй ты, мухоподобное!

Мушиные инстинкты включились сами собой и крылышки радостно зажужжали. Подлетев, я увидел птицу Гамаюн. Она сидела на свае, вбитой в прибрежный песок.

– Как ты меня нашла? – она только отмахнулась.

– Хватит прохлаждаться, хозяин зовет.

Я сердито зажужжал. Только избавился от страшной гибели – и сразу куда-то лети, что-то делай...

Как донести до этой недалекой пернатой, что я вовсе не прохлаждаюсь, а занимаюсь важным делом? И вообще. Кто кому еще хозяин...

– Ну-ну, хватит выпендриваться. А то склюю, – пригрозила ворона, нацелив на меня острый клюв.

Показав ей язык, я отлетел подальше. Хрен она меня поймает!

Я от пламени ушел, и от паука ушел, а от тебя, дирижаблиха неповоротливая, и подавно уйду!

– Я серьезно, – ворона подскочила, и облетела вокруг помоста. – Ты что, последние мозги в мушином облике утратил? Бвана зовет, у него созрел план. Давай, полетели. Не в клюве же тебя нести...

Глава 2

Иван

– А нас пустят? – спросила Машка, когда мы подошли к высокому, с наглухо закрытыми воротами, терему.

– Скажешь, что ты – племянница. Приехала проведать тетушку.

– Так мне и поверят.

– А ты прикинься бедной родственницей, – посоветовал я. – Ну типа, Крошечка-Хаврошечка...

– Может сработать, – кивнул Лумумба.

– Ладно... – Машка критически оглядела свою курточку. – Базиль, у вас не найдется старенького платочка? А лучше – двух.

– Как не найтись... – учитель запустил пальцы в жилетный карман. – Годится?

Одним платочком – ветхим, с размухренными концами, – она повязала голову, спрятав волосы и плотно обмотав шею. Из второго соорудила узелок, напихав в него какой-то ерунды из рюкзака. Затем, прижав узелок к груди худыми бледными лапками, посмотрела на нас несчастными, полными слез глазами и пролепетала:

– Пропустите, дяденьки, с тетушкой проститься. Одна она у меня, сиротинушки... – и шмыгнула носом.

– Гениально! – похвалил учитель. – Сейчас, сейчас... – скинул свой любимый плащ, вывернул его наизнанку, швами наружу, и снова надел.

Изнутри кожа василиска была покрыта налезавшими одна на другую заплатами, жжеными проплешинами и бесчисленными карманами. Из некоторых торчали непонятные предметы. В других, плотно застегнутых на пуговицы, что-то шебуршало и пыталось выбраться. Из одного даже показался глаз на стебельке, но Лумумба прихлопнул его ладонью, и глаз спрятался.

Затем, зачерпнув под забором горсть белесой пыли, наставник стал втирать её в щеки, в бакенбарды, в руки... Машка уже тащила откуда-то сучковатую палку. Взяв её, бвана совершенно преобразился. Плечи сгорбились, колени ослабли, ноги скрючились колесом, в руках появилась неуверенная дрожь, а глаза закатились, явив миру одни белки.

– Подайте на пропитание слепому страннику Василию... – загундосил Лумумба, выбивая палкой частую дробь по мостовой.

Я невольно улыбнулся.

– И я! И я горазд!

Минутку подумав, я расслабился. Убрал из глаз малейший проблеск мыслей. Приподняв брови, сделал взгляд наивным и чистым, как весенняя лужица. Потом выправил из штанов рубаху, скосолапил ступни, а указательный палец засунул в рот, пустив из уголка слюну.

Рядом с нами остановилась толстая, в белом переднике, тетка. Подмышкой у нее была зажата корзина, в которой негромко гоготал откормленный гусь.

– Откуда идете, калики перехожие?

– С Урала, – тоненьким детским голоском пропищала Машка. – Слышали, в Мангазее молочные реки текут, между кисельных берегов. Вот, пришли своими глазами убедиться. А тятенька на ощупь осознает, – она, склонив голову в платочке, трогательно прижалась к Лумумбе. – Тятенька от злого колдуна пострадал. Зрения лишился и кожа вся, как есть, почернела... А братца моего ребеночком с печки уронили. С тех пор ум у него напрочь отшибло, на одних базовых рефлексах существует.

Икнув, я подпустил слюны и возвестил басом, смачно обсасывая палец:

– Жрать. Срать, спать, драть...

– Тихо, тихо, Иванушка, – Маша погладила меня по плечу. – Вот пойдем сейчас на площадь, я куплеты буду петь, а тятенька Илиаду на память почитает. Денежку заработаем – купим тебе пирожок. А пока, братик, камешек поглотай. Авось, голод и утихнет...

Тетка всхлипнула и утерев слезу могучим кулаком, полезла в недра обширных юбок. Затем протянула Машке монетку.

– Спасибо, добрая женщина, – поклонился в пояс бвана, забыв, что недавно ослеп. – Воздастся тебе доброта по заслугам...

Утирая слёзы, тётка потопала дальше. Гусь, высунув голову из-за её плеча, смотрел на нас с укоризной.

– Не перегнуть бы, – обеспокоился учитель, когда на нас стали задерживать взгляды и другие прохожие.

– Фигня, – Машка цинично подкинула подаренный теткой грошик. – На Руси убогих любят.

Вид домашней птицы пробудил во мне смутную тревогу, которая наконец-то вылилась в конкретные опасения.

– А где Гамаюн?

Только что она крутилась рядом, выпрашивая у Лумумбы петушка на палочке, а сейчас – ни слуху ни духу.

– Я её с поручением услад, – пояснил наставник, шаркающей походкой направляясь к воротам. – Острог – место защищенное. С магическим существом туда лучше не соваться...

Машка оказалась права. Растроганные её щенячьим взглядом дружинники без звука пропустили нас в крепость.

Проблемы начались чуток попозже. Когда выяснилось, что пресловутая Машкина родственница – сама Великая Княгиня, запертая до суда в отдельных палатах на самом верху башни. Заминка грозила перерасти в нудное разбирательство, и здесь Машкин длинный язык мог сыграть совершенно противоположную роль...

Переглянувшись с Лумумбой, мы уже собирались ретироваться, чтобы изобрести другой способ увидеться с княгиней, когда из той башни, где держали Ольгу, вышла группа военных. Все в черной отглаженной форме, бронеках и при оружии. Заметив нас, один остановился. У меня сердце ушло в пятки: сейчас нас погонят поганой метлой, и накроется расследование медным тазиком...

Дружинник был молодой, лет тридцати, высокий, чернобровый и чернобородый, с волевой складкой рта и цепким прищуром. Постояв мгновение, он бросил своим несколько слов, а сам пошел через двор. Машка зыркнула на меня вопросительно, я чуть заметно пожал плечами. В конце концов, чего мы боимся? Ну, достанем мы с бваной, в крайнем случае, удостоверения. Работать, конечно, придется в этом случае официально: посылать запрос о разрешении действовать на территории другого государства, то, сё... И здесь как повезет: захотят нам помочь – разрешение будет уже завтра, а не захотят – бюрократическая машина затянет с выдачей настолько, что Ольгу раньше казнят...

Я покосился на Лумумбу, но тот стоял спокойно, по пыльному усталому лицу ничего не читалось.

Дружинник подошел и внимательно оглядел нашу троицу, сложив губы трубочкой. Мы с Машкой постарались выглядеть как можно более невинно. Насмотревшись вдоволь, коротко спросил дежурного:

– Кто такие?

Тот ответил. Дружинник задумчиво покачался с носка на пятку, с каким-то ироничным доброжелательством глядя на Лумумбу, коротко насвистел бодрый мотивчик, и приказал:

– Пропустить.

Затем развернулся и исчез за воротами. Мы даже вякнуть не успели.

Хорошо, что барахло оставили в неприметном тупичке, сложив под камушек: на входе в острожный терем стояла самая настоящая пропускная рама. И если б Лумумба не настоял, чтобы Маха оставила снаружи всё, до последнего ножица – грош цена нашим личинам.

Рядом с рамой, без всякого намордника или там поводка, стояла собака. Одна, без какого-либо хозяина. Некрупная, пепельной масти, с длинной мордой и умными, совершенно не собачьими глазами. Вообще-то, собак я люблю. И никакого вреда от них, кроме пользы, не вижу. Но здесь я реально перетрухал. Потому что у псины этой был такой взгляд, что становилось совершенно ясно: если что не так, она откусит сразу и всё. Даже захотелось прикрыться руками, на всякий случай, но я сдержался.

Когда мы благополучно миновали раму, псина обнюхала меня и Машку, позволив моей напарнице почесать себя за ушами, но задержалась возле бваны. На Пыльцу обучена, понял я. Слышал о таком: ищек с хорошим нюхом натаскивают на корицу, а потом заставляют выслеживать Запыленных... Лумумба не долго думая достал из жилетного кармашка громадную мозговую кость и протянул собаке. Та, обнюхав и аккуратно взяв подношение зубами, мило-стиво моргнула и отошла.

– Любовь приходит и уходит, – продекламировал шепотом бвана, – а кушать хочется всегда...

К светелке княгини вела узкая, с несколькими крутыми поворотами, лестница. На каждой площадке прохаживался дружинник с АК.

– У вас пять минут, – напомнил охранник, отпирая внушительный замок на толстой двери.

Кроме двери, вход перегораживает решетка, которую отпирать никто и не думал. А за решеткой находится обыкновенная комната. Как в дешевой гостинице, например. Светлые голые стены, чисто выметенный пол, маленькое, тоже забранное решеткой, окошко. В дальнем конце – узкая, застеленная лоскутным одеялом кровать, рядом – скромный коврик с лебедем, тумбочка с водой в графине и геранью в горшке.

У противоположной стены притулился рабочий столик с придвинутым к нему жестким стулом. На стуле, к нам спиной, сидит женщина. Видны заплетенные в толстую косу бледные волосы и темное, прямых очертаний, платье. Женщина пишет.

Лумумба, взявшись обеими руками за решетку, глядит молча на её спину. Глядит долго, может, минуту, или две. Просвисти между ними в этот момент пуля, она расплавится: взгляд бваны имеет напряжение киловольт в пятьсот, но женщина только продолжает водить пером по бумаге. В свете из окна рука её кажется прозрачной, даже стеклянной.

Дружинник, который нас привел, наконец понимает, что ничего интересного не будет, вздыхает и топает по ступенькам вниз, пробурчав, что осталось минуты три. И только тогда женщина, будто почувствовав его уход, стремительно встает и в один миг оказывается у решетки. А потом сплетает свои пальцы с пальцами Лумумбы.

– Ты... – говорит она так, будто не верит своим глазам.

– Я, – грустно и обреченно отвечает наставник.

Так они стоят еще секунд тридцать, вглядываясь в лица друг друга. Ни она, ни он, не шевелятся.

Первой всё-таки отводит взгляд Ольга. Отступив, окидывает взглядом нашу компанию, задержавшись на мне, потом на Маше. Чуть улыбается, кивая на наши наряды.

– Остроумно.

– Рано себя выдавать, – пожимает плечами Лумумба. Он старается говорить как обычно, но голос его подводит. Он становится низким и хрипловатым, будто с похмелья. – Как ты?

– Почти закончила, – она оборачивается на стол, а потом улыбается уже по-настоящему.

– Это то твоё исследование? Всё не сдаешься?

– Оно самое. Ты даже не представляешь, чего я добилась! У тебя волосы распрямятся, когда...

– Послушай, у нас мало времени. Ты должна рассказать всё, что знаешь. Почему все думают, что это ты убила Игоря?

– Поздно... – Ольга досадливо вздыхает. – Всё здесь против меня, буквально всё. Так что не стоит и пытаться.

– Но тогда зачем ты меня позвала? – Лумумба пытается дотянуться до её руки сквозь решетку, но Ольга отступает.

– Вот это! – она тыкает пальцем в тетрадь, лежащую на столе. – Это спасение для всех магов, как ты не понимаешь? Дело всей моей жизни. Ты должен забрать тетрадь, увезти в Москву, показать Седому. Дальше вы и без меня разберетесь...

– Ты с ума сошла? – Лумумба отворачивается, но через мгновение не выдерживает и вновь подступает к решетке. – Через семь дней тебя...

– Не будем об этом говорить, Вася, – в уголках её рта прорезались жесткие складки. – Что сделано, то сделано. Мы с Игорем мечтали... – в глазах сверкнули слезинки, и она отвернулась. Затем вновь подошла к решетке и страстно зашептала: – Знаешь, почему я вышла за него? Игорь умел мечтать! И умел заразить своей верой остальных. Весь этот город... – княгиня оглядела стены крепости так, будто смотрела сквозь них, на дома и улицы. – Этот город возник только благодаря его мечте... Почти совершенный город. Еще немного, и мы бы... – она опустила глаза. – Теперь он мертв, и всё кончено. Мне всё равно, что со мной будет.

– Может, хватит уже мечтать? – жестко спросил Лумумба. – Ты до сих пор не поняла, что жизнь – это не воздушные замки.

– А ты всё такой же приземленный прагматик, – казалось, они продолжают какой-то давний, но неоконченный спор. – И веришь только в то, что можно пощупать.

– Разумеется. И считаю, что убийца, кто бы он ни был, должен быть наказан. И... – тон и взгляд его смягчился. – Очевидно же, что это не ты. Кому-то выгодна твоя смерть, ты это знаешь. Кому?

На лестнице вновь появился охранник. Он выглядел почти виновато, но, громко позвеневав ключами, сказал:

– Свидание окончено.

Убрав руки от решетки, Ольга отступила вглубь комнаты.

– Я буду писать до самого конца, – сказала она. – Хвала судьбе, этого мне делать не запрещают. Ты должен обязательно дожидаться казни, – она напряженно смотрела на Лумумбу. – И потом обязательно забери бумаги. Это – твоя миссия. Я тебя позвала именно за этим. Не подведи хотя бы на этот раз, – резко отвернувшись, она вновь подошла к столу и раскрыла тетрадь.

– Я тебя вытащу, – крикнул ей в спину Лумумба. – Слышишь, Оля! Не сдавайся. Даже не думай о казни. Я вытащу тебя не смотря ни на что.

Она даже не повернулась. Охранник молча указал дулом автомата на лестницу.

Оттерев лица и приняв свой обычный облик, мы шли по улице. Бвана был тих и задумчив, я тоже молчал: как-то не очень всё складывается... Одна Машка вела себя как обычно.

Независимо задрал нос, вертела головой, изучая вывески, разглядывала прохожих, прыгала на одной ножке по камушкам мостовой...

– И почему вы разошлись? – спросила вдруг она, заглянув в лицо Лумумбе.

– Оля считала меня неромантичным, – коротко буркнул бвана. Но потом вздохнул, и пояснил. – Пятнадцать лет назад, сразу после Распыления, мне казалось более важным помочь людям обустроиться в новом мире. Защитить, наладить поступление продуктов. Отыскать брошенных детей, изъять из обращения запасы Пыльцы... А ей... Не только ей, но многим магам, хотелось строить будущее. Своё, магическое будущее. И они с пылом и жаром, отбросив, как им казалось, всё лишнее, принялись его строить.

– И как? Получилось? – спросила Машка.

– Кое-что получилось. Открыть академию, например.

– А вам – агентство борьбы с маганомалиями? Оказались по разные стороны баррикад, значит. – ехидно заметила Машка.

– Это потому что надо защищать людей от всяких горе-мечтателей. – встал я на защиту бваны.

Смахнув пыль с лица и волос, переодевшись, он вроде бы стал тем самым учителем, которого я знал и любил. Но что-то изменилось. То ли волосы серебрились больше обычного, то ли у глаз образовалось несколько новых морщинок...

– Вот вы где! – на плечо, как мешок с песком, плюхнулась ученая птица Гамаюн. Рука привычно заныла, я обреченно поморщился, – Ну, куда без меня успели вляпаться?

– Не твоего ума дело, – показала ей язык Машка. – Будешь много знать – заржавеешь.

– Да не больно-то и хотелось! – птица лязгнула над моим ухом клювом. Звук получился, будто железный гвоздь лопнул. – Утонете – домой не приходите...

– Ты всё сделала, милая? – прервал перепалку Лумумба.

– Как велено было, – Гамаюн перешла на деловой тон. – Комнаты чистые, светлые. Сдаёт старая ведьма. Бельё хорошее, кормежка по требованию. Жаль только, клопов нет. И тараканов...

– Молодец, – погладил её по хохолку учитель.

– Спасибом сыт не будешь. Мне бы орешков...

– Ой, глядите!

Моя напарница указывала на строгую вывеску, расположенную над одним из домов. Дом по здешним меркам был солидный: добротный каменный цоколь, верхний этаж собран из цельный бревен. Окна, крыльцо, петушок на коньке крыши, украшены затейливой резьбой.

На вывеске крупным шрифтом значилось: Купцы Кулибины, Тульский оружейный завод. И, более мелким шрифтом: Дробовики. Самозарядные ружья. Винтовки. Еще ниже, курсивом: Сабли. Мечи. Боевые ножи.

В витрине, на красивых подставках, были выставлены вещи, с помощью которых люди очень быстро и эффективно уничтожают друг друга. Что характерно, без всякой магии.

– Базиль, давайте зайдем! Ну пожалуйста... – Машка смотрела на всё это железо, как голодный ребенок на витрину с пирожными. – Только одним глазком, честно-честно.

Я уже закатил глаза, собираясь прочитать лекцию о пагубной любви к оружию массового поражения, но бвана меня опередил.

– Отчего же не зайти, если ребенок просит, – пожал он плечами. – Других дел у нас нет, так что можно и прогуляться.

– Ура! – подпрыгивая, как счастливый воздушный шарик, напарница рванула к дверям лавки.

Конечно, на провинциальную барышню ассортимент Тульского оружейного завода производил впечатление чрезвычайное. Видал я, чем они там в своём городе воюют. А здесь... Охотничьи ружья, винтовки, дробовики с инкрустацией по ложу и без оной, пистолеты с мага-

зинами на десять, двадцать, тридцать пуль. Отдельно к ним, как новогодние подарки, коробки с патронами. Дальше – упакованные в лотки, наподобие куриных яиц, гранаты.

В отдельной витрине, за толстым стеклом – мечи. Светлая японская сталь, голубая дамаскская, с характерным волнистым узором, и, конечно же, знаменитый русский булат. Машка, увидев эти сокровища, так и застыла. Его макароннейшее святейшество, она бы еще ручки, как для молитвы, сложила...

А потом Машенька увидела его. Черного, масляно поблескивающего, властно попирающего ногами постамент, высунувшего сытый длинный язык заостренных пуль... Внизу поблескивала скромная надпись: KORD.

– Вот бы нам бы такой, когда с Матерью Драконов бились... – благоговейно прошептала Машка, не отрывая от чудища влюбленного взгляда. – Денег заработаю – обязательно такой куплю. Таракану в подарок.

– Так за чем же дело стало? – к нам подошел учитель и тоже посмотрел на пулемет. – Красавец, правда? – Машка только кивнула, сглатывая слюну. – Ну, так и бери! Эй, любезнейший... – и Лумумба щелкнул пальцами приказчику за прилавком.

– Бвана, вы что, с глузду двинулись, от перенесенных страданий? – спросил я уголком рта. – Нафига нам пулемет?

– Тебе же ясно сказали: в подарок, – в глазах учителя загорелся безумный огонек, которого раньше не наблюдалось.

– И правда Базиль, не нужно, – смутилась Маша. – Это же я так, помечтать... Да и дорогий он, наверное...

– Что деньги? Тлен, – махнул рукой бвана. – Любезнейший, вы принимаете аккредитивы Московского банка?

– Конечно-с. Никаких проблем-с, – склонил аккуратный пробор приказчик.

– А доставить покупку в другой город?

– В течении недели-с. У нас как в аптеке.

– Тогда заверните этого красавца! – наставник барски махнул в сторону пулемета. – Ну, и что там к нему полагается. Боеприпасы, то, сё...

– Не извольте беспокоиться, – взяв у Лумумбы карточку и поклонившись, приказчик убежал, а наставник добро улыбнулся Машке:

– И себе что-нибудь присмотри, милая. Я же вижу, тебе хочется...

Та убежала, а Лумумба повернулся ко мне.

– Ну, а ты, падаван? Чего желает твоя душа?

– Побыстрее проснуться, – признаться, учитель меня уже просто пугал. Он что, вообразил себя добрым джинном? Стариком Хоттабычем?

– Я вдруг осознал... – обняв за плечи одной рукой, наставник повел меня к широкому, во всю стену, окну. – Вот что ты видишь? – я закатил глаза.

– Улица. Народ мельтешит. Машины едут. Жизнь бьет ключом, одним словом.

– Вот именно. Жизнь, – он покатал слово на языке, как леденец. – Я вдруг понял, Ванюша, что человек смертен. Более того, смертен до неприличия внезапно. А значит, не стоит отказывать себе в маленьких удовольствиях и радостях. Тем более, что деньги в могилу не заберешь...

– Это из-за княгини, да? – догадался я. – Так вы же обещали её вытащить! Сейчас разберемся, что к чему, найдем настоящего убийцу... Чего температурить-то раньше времени? В первый раз, что ли?

– Ты не понимаешь, Вань, – он пригорюнился и кажется, даже смахнул слезу. – Оля – дама исключительно умная. К сожалению, гораздо умнее меня... Если она говорит, что всё бесполезно, значит, так оно и есть. Она уже просчитала все варианты – а у нее на руках все козыри, согласись, – и пришла к выводу, что проиграла.

– Базиль, а можно мне вот это? – к нам подскочила Машка с какой-то внушительной железной трубой.

– Всё, что захочешь, детка... – светло улыбнувшись, бвана ласково погладил её по голове, и подтолкнул обратно к витринам. – Беги, малыш. Играй, пока играет... Присмотри за ней, падаван, – попросил он, задумчиво глядя Машке в спину. – Мы в ответе за тех, кого приручили...

Меня чуть удар не хватил. Папа Огу, Хозяин огня, Повелитель Кладбищ – и вдруг такое.

– Присмотрю. Обязательно присмотрю, – я громко всхлипнул и утер нос рукавом. А потом деловито спросил: – На могилку крестик хотите, али памятник? Только скажите, ради вас, бвана, живота не пожалею. Вот представьте... – я мечтательно простер руку вдаль. – Черный как ночь, осколок метеорита. А на полированной панели вытравленные золотом письмена: – Он жил как безумец. Он умер, как жил... Дальше еще не сочинил. Как вы думаете, что лучше: про сверхновую магического небосклона, или про черный бриллиант отечественной магии? О, о, придумал! – я в упоении закатил глаза:

Он жил как безумец,

Он умер, как жил.

Он стал властелином вселенной.

– А что? – я подмигнул. – Простенько и со вкусом. Соглашайтесь. Людям понравится.

Наставник смотрел на меня долгую минуту, а затем плюнул на пол и выпрямился.

– Шалишь, падаван. Совсем нюх потерял? Вот превращу тебя сейчас в кота. Или, еще лучше, в мокрицу.

У меня отлегло от сердца. Японский городской! Мы чуть его не потеряли...

– Закругляйтесь, мадемуазель, – гаркнул учитель, более не обращая на меня никакого внимания и бодро направляясь к выходу. – Нас ждут великие дела!

Глава 3

Иван

Покинуть гостеприимную лавку купцов Кулибиных сразу мы не смогли: пришлось дожидаться, пока упакут всё, приобретенное Машей. А когда наконец дождались...

Мы удивленно, я бы даже сказал с благоговением, уставились на маленькую девочку с игрушечным медведем в руках. Медведя ей, кстати сказать, дали там же, в лавке, на пристрелочном стенде. Как приз за поражение абсолютно всех целей.

За девочкой выстроились четверо дюжих носильщиков, навьюченных, я так понимаю, покупками. Тут было два продолговатых кейса, в каких богатые господа хранят винтовки. Три баула, набитые чем-то угловатым и, судя по позам носильщиков, невероятно тяжелым. Одна крупного калибра труба, чертовски смахивающая на гранатомет...

– А пулемет они сами доставят, с почтовым дилижансом, – скромно пояснила Маша, прижимая медведя к груди. – Таракан описается от счастья.

Лумумба только хрюкнул, пробежав взглядом длинную ведомость, но подмахнул и царским жестом отпустил приказчика. Тот, скривившись всем телом в подобострастном поклоне, протянул визитку.

– Скидочка-с, двадцать процентов... В любом филиале нашей фирмы...

Маха проворно выхватила квадратный клочок и сунула в карман курточки, любовно застегнув его на пуговку.

– Зачем тебе всё это? – зачарованный масштабами девичьего шоппинга, только и мог спросить я.

– Патронов много не бывает, – в глазах напарницы светилось совершенно детское, ничем не замутненное счастье.

Что характерно: сразу на квартиру мы не пошли. Лумумба, хоть и грозился тут же, не сходя с места, наворотить великих дел, сначала решил пройтись по магазинам – благо, что заведение купцов Кулибиных находилось аккурат в начале здешнего Променада.

– У нас же все вещи в прошлой кампании сторели. К тому же, послушаем, о чем в городе судачат...

В одной лавке наставник приобрел себе дюжину шелковых белых рубашек. В другой – черный шелковый цилиндр и трость с собачьей головой вместо набалдашника, в третьей – узконосые, с белым верхом, штиблеты... Я только хмыкал. Всегда так: накупит барахла, а я сундуки таскай. К тому же, чисто по опыту: ни один, купленный в дороге гардероб еще не дождался до размещения в шкафу Московской квартиры.

Потом бвана взялся за меня. Оглядев подгоревшие по краям джинсы и мою самую любимую ковбойку, он решительно приказал всё это выбросить, и тут же, не отходя от кассы, переодеться во всё новое. Новое состояло из колючих чесучовых брюк, бумазейной рубахи и приличного пиджака в ёлочку. Безропотно переодевшись, я даже в зеркало смотреть не стал: по Машкиному хихиканью догадался, что выгляжу чучелом огородным. Пиджак, кстати, мгновенно треснул на спине... А потом понеслась: мы заходили в каждую лавчонку, не пропуская даже те, в которые вели узкие, пахнущие кошками лестницы. И в каждой, недолго поговорив с хозяином, что-то покупали. В крупных магазинах Лумумба обязательно примерял новый наряд, беседуя в это время с приказчиками или управляющим на самые разные темы: почему нынче хлеб и сахар, трудно ли купить в Мангазее жильё, сколько было приезжих в этом году по отношению к прошлому, чем славятся народные ремесла и много ли выловили рыбы в Заливе... Нам оставалось только зевать в кулачок да бессмысленно пялиться на витрины:

систему учителя создавать впечатление о новом городе я еще не постиг. У меня всё базируется на подсознательных впечатлениях...

Машка, кстати сказать, ни к каким девичьим увлечениям интереса не проявляла. Ни воздушные бальные платья, ни туфли на высоких шпильках, ни шеренги флаконов духов и помад не вызвали у нее даже слабенького вздоха восхищения. Зато от витрины с армейским обмундированием девочку пришлось отрывать силой...

Лично моё внимание привлекла только одна лавка. На затейливой вывеске значилось: "Джон Серебро. Заморские редкости." Я еще подумал: в городе, набитом, как мешок крупой, золотым песком, довольно смело заявлять о его, так сказать, антагонистичной ипостаси...

– Зайдем? – спросил я у бваны.

– Пожалуй, – кивнул тот.

В витрине крутилось небольшое, метра полтора, колесо обозрения. В гондолы были усажены крохотные люди. Выглядели они совсем как живые: тонкие личики, шелковистые волосы, модная одежда... Дамы держали сумочки и крошечных собачек, кавалеры курили трубки и читали газеты. Машка с восторженным писком кинулась рассматривать кукол, я облегченно вздохнул: хоть что-то человеческое ей не чуждо...

Я пошел вдоль полок. Больше всего это было похоже на старинные супермаркеты, которые я видел в кино. Длинные ряды ярких упаковок с чаем, кофе, сахаром, шоколадками в ярких фантиках... За рядами с продуктами – бытовая техника. Тут я побродил с искренним удовольствием и восхищением. Электрические кофемолки, пылесосы, кухонные комбайны... Поразил настенный телевизор. Толщиной в палец, шириной экрана он превышал размах моих рук.

У нас в Москве тоже продавалась уцелевшая техника. Но, пожалуй, на весь город её набралось бы меньше, чем в этом магазине – электричества в столице было мало, и, как это ни смешно, стоило оно на вес золота.

Я восхищенно потрогал гладкую пластиковую панель холодильника с сенсорным управлением. Неужели есть люди, которые запросто покупают и пользуются такими вещами? Мы с Лумумбой, например, зимой устраивали морозильную камеру за окном, на подоконнике. А летом просто старались не покупать скоропортящихся продуктов... Да и вообще, если подумать: зачем нам такие роскошества? Появляемся дома пару раз в год.

В самом конце была запертая на замок витрина с мелкими диковинами. Я опознал только крошечные, с пуговку, видеокамеры и подслушивающие устройства – их мы проходили в академии. Остальное, в мешанине проводов, с блескучими экранчиками и множеством кнопочек, мне было незнакомо. На отдельной полке, как бриллианты в короне, сияли яркими красками детские игрушки. Там были красная радиоуправляемая "Феррари" и почти что самый настоящий вертолет. От этой витрины я отошел, только сделав над собой усилие. Не уподобляться же Машке...

По улице слона водили... – это точно про нас. Вообразите: впереди, отмахивая полированной тросточкой, шествуют господин наставник. В шелковом, расшитом золотыми рыбками жилете, цилиндре и жемчужного цвета фраке, он похож на знаменитого певца или циркового распорядителя. Дальше я, в новом порванном пиджаке и с железной птицей на плече. Птица, кстати сказать, даже не думает прикидываться ветошью. Она активно скачет по моему плечу, комментируя всё происходящее вокруг громким лязгающим голосом и задирает прохожих.

Дальше, держа мишку за лапку, идет Марья-искусница. Вот она: гордая владелица винтовок, пистолетов, боевых метательных ножей и даже одного гранатомета. Идет ни на кого не глядя, задрав нос так, что иногда даже спотыкается...

За Машкой следует целая вереница носильщиков из разных лавок и мануфактур. Они, как ломовые лошади, нагружены сумками, коробками, пакетами и корзинами. Такое чувство, что мы прибыли в Мангазею с одной-единственной целью: обогатить местных купцов.

Вспоминая слова бваны о том, что не стоит привлекать к себе внимание раньше времени, хочется заметить, что он добился абсолютно противоположного эффекта. Лавочники, завидев длинную вереницу носильщиков, теряли голову: такие клиенты бывают раз в год, а то и реже. Нам сигналили автомобили: переходя улицу, наш кортеж останавливал движение. Нам свистели и улюлюкали мальчишки – когда еще на такую развлекуху нарвешься? Словом, когда мы наконец-то добрались до квартиры, которую нашла для нас умная птица Гамаюн, у меня все нервы кончились и восемь потов сошло, а жрать хотелось так, что еще чуть-чуть, и я действительно начну глотать камни...

– Что, хороша фатера? – хвастливо встопорщилась птица Гамаюн, важно входя в предназначенную для нас комнату.

Просторная. Стены белены известью, как и печка, которая занимает весь дальний угол. На окнах расшитые крестиком занавески, обширная кровать застелена пуховым одеялом, изголовье её украшено пирамидой из подушек. На полу – вязанные полосатые коврики, а сами доски пола чисто вымыты и даже блестят.

Ворона, тяжело подпрыгнув, устроилась на спинке кровати.

– Тут и ванная с горячей водой есть! – похвасталась она так, будто лично проектировала здание.

– Тебе-то зачем вода? – спросила Машка, проходя мимо и, как бы невзначай, толкая птичку локотком. – В воду упадешь – язык заржавеет.

– Куда ставить-то? – натужно возопил первый из носильщиков, втаскивая в комнату гору коробок. Моя напарница, спохватившись, принялась распоряжаться.

Я устало плюхнулся на диван. Был он добротный, обтянутый настоящей кожей, с подлокотниками красного дерева. Ажурную полочку над диваном украшали деревянные резные слоники.

Задрав ноги, чтобы не мешать ходить грузчикам, я принялся смотреть в окно. Рама была распахнута, и со двора доносились голоса Лумумбы и нашей новой хозяйки. Старуха говорила сильно окая, глубоким, чуть надтреснутым басом.

– Постель два целковых: электричество подорожало, а воду грей, стиральную машину заводи... Харчи – полтора за всех.

– Девушке – отдельную комнату... – тоном ниже басил наставник.

– На раскладушке поспит, за шторкой. Пятьдесят копеек будет. А ежели колдовать надумаете...

– Не надумаем. Говорю же: Пыльцы нет.

– Дак и я об том. Надумаете – обращайтесь.

Возникла пауза.

– Вы серьезно? – наконец переспросил Лумумба.

– А чего? Наш товар – ваш купец. Продукт чистый, лицензионный. Все налоги уплочены. А ежели вам экзотики какой – Бразилия, Гуанчжоу, остров Пасхи... – тогда только к завтраму ожидайте. На доставку время требуется. Желаете дегустировать?

– А то! – оживился наставник.

Я вздохнул. Знаю я его: сам вмажется, а мне, как обычно, фигу с маслом...

– Тогда пройдемте в лабораторию, – деловито предложила старуха, и голоса стали удаляться. – Соглашение о ненападении подпишем...

Старик со старухой ушли, но во дворе было еще много чего интересного. Например, дуб. Кряжистый, расщепленный молнией и обмотанный в несколько рядов якорной цепью – видать, чтобы совсем не развалился... Цепь толстенная, не от какой-нибудь там мелкотравчатой яхты, а, по меньшей мере, от сухогруза. Она тянулась через весь двор от дуба до громадного, выше меня, камня, валявшегося здесь, судя по всему, со времен ледникового периода. Цепь крепилась к массивному кольцу, наполовину погруженному в камень, и была увешана чистыми выстиранными рубахами и подштанниками.

Еще был колодец. Высокий, срубленный из толстенных почерневших бревен. Вот вы мне скажите: городу от силы пятнадцать лет, а колодец выглядит так, будто стоит тут не меньше двухсот... Колодезный сруб был накрыт железной, в потеках ржавчины, крышкой, придавленной сверху мельничным жерновом.

Птица Гамаюн, неожиданно снявшись со спинки кровати, левитировала через комнату и устроилась рядом со мной, на подлокотнике дивана.

– Теперешняя Мангазея выстроена на месте староверского хутора Белокаменка, – произнесла она лекторским тоном. Наверное задумавшись, про колодец я спросил вслух, и птица приняла вопрос на свой счет. – Великий Князь, тогда еще простой геолог Игорь Романов, умирая, вышел на скит из тайги. Жители хутора выходили его и выкормили...

– А почему крышка придавлена? – проводив наконец грузчиков, Машка устало рухнула рядом со мной.

– А чтобы не лазил никто. Ни туда, ни обратно, – на пороге стояла старуха. Высокая, с абсолютно белыми, собранными в пучок на затылке волосами, в белом же, с кружевной стойкой вокруг горла, кисейном платье. Лицо у старухи было суровое, коричневое, со множеством мелких морщинок, а синие, без белков и радужки глаза сверкали совершенно по-бесовски. Зато руки у нее были молодые, изящные, с длинными, как у пианистки, пальцами.

– Вот, дети... Прошу любить и жаловать: наша хозяйка. Арина Родионовна Горыныч, – Лумумба бочком протиснулся мимо старухи в комнату. Глаза его светились точно так же, как и у хозяйки. Я обиженно отвернулся: на двоих, значит, вмазались. Ладно-ладно... – Арина Родионовна, – продолжил учитель светским тоном, повернувшись к хозяйке, – Познакомьтесь с моими...

– А не надо, – старуха сложила руки на животе, под фартуком. – Сама вижу: Иван да Марья. По лугам, по полянам, дружат Марья с Иваном. Тут любовь без обмана...

– Скажете тоже! – преувеличенно громко фыркнула Маха, отворачиваясь. – Какая еще любовь-морковь?

– Без дружка, без Ивана, жить и Марья не станет, а зачахнет, завянет, – упрямо закончила старуха.

Было это похоже на детский стишок или считалочку, но я всё равно почувствовал, как от шеи на щеки переползает душный жар. Только хотел уточнить, что же она всё-таки имеет в виду под "зачахнет-завянет", но тут раздался душераздирающий крик.

– Убивают! Режут! Хулиганы зрения лишают!

Мы с Махой оживились.

На подоконнике, обернув лапки в белых носочках толстым, как полено, хвостом, сидел кот и лениво изучал нашу птичку.

– Че орешь, дурында? Не бойсь, сегодня я уже завтракал, – сказал кот и вальяжно спрыгнул на пол. Один глаз мурзика пылал неугасимым синим пламенем, другой был черен и пуст.

– О! Говорящий котик! – Маха плюхнулась на пол и запустила пальчики в шерсть. – Котик ты мой котик, тёпленький животик. Бархатная спинка, шелкова шерстинка... – кот затарахтел, как хорошо смазанный дизельный движок, подставляя под её руки пухлые хомячьи щеки.

Я закатил глаза. Нужно как-нибудь научить её различать магических животных. Наша птичка, например – безобидный вестник. Одушевленное письмо, ходячая энциклопедия. А вот бабкин кот...

– Мотя, на стол пора подавать, – строго напомнила старуха.

Дернув хвостом, котофей удалился, по пути ненавязчиво обтершись сначала о мои ноги, потом о ноги наставника. Ростом он был мне по колено. В холке.

– Поаккуратнее с ним, – предупредила Арина Родионовна. – Тот еще проказник.

По-моему, она его немного приревновала...

Я приснул в кулак, чем заработал неодобрительный взгляд наставника.

Освежившись, мы наконец-то уселись пить чай. Чай у Арины Родионовны состоял из огромного пирога с осетриной, миски маринованных с луком груздей, вареной, исходящей паром, молодой картошечки, заправленной топленным маслом и посыпанной зеленым лучком, ватрушек с творогом и изюмом, халвы, двух видов меда – цветочного и гречишного, и морошкового варенья.

Распоряжался кот. Как заправский официант, он вкатил в комнату двухэтажную, нагруженную снедью, тележку, затем внес на вытянутых лапах раскаленный самовар. Споро расставил блюда, чашки, тарелки, разложил салфетки и приборы, обмахнул полотенцем табуретки и уселся рядом, скроив умильную рожу.

– Отведайте, гости дорогие, чего хозяйка послала, со мной переслала... И обо мне, служивом, не забудьте. Мур.

– Садись, коль не шутишь, – пригласил кота бвана. Тот проворно вскочил на табурет, и, придвинув ближайшую чашку, принялся наливать чай.

Птица Гамаюн, спрыгнувшая было на стол и уже цапнувшая ватрушку, ретировалась за печку и оттуда возмущенно закаркала:

– Эй, чего вы этого хищника за стол пускаете! Да он родную маму за пяточок на базаре продаст! Ему верить – себя не уважать...

– На маму наговаривать не позволю, – строго одернул ворону кот. – Я сирота. С тех пор, как дорогая родительница в осьмнадцатый раз замуж выскочили.

– Беденький... – пожалела кота Маха, усаживаясь рядом. – А какой работящий! Не то, что некоторые, – она кинула уничтожающий взгляд на птицу Гамаюн.

– Я еще крестиком вышиваю, – потупился пушистый хвостун. – И на машинке... тоже... – Машка всюю чесала ему шею.

– Тук, тук! Можно к вам? – на пороге материализовался старичок в косоворотке, лаптях и с румяной лысиной, по краям опушенной седыми волосками.

– Просим! – махнул рукой подобревший после вмазки бвана. – Будьте, как дома... Матвей, не считите за труд, поставьте гостю чашку.

Кот, приподняв одну бровь, зыркнул на стол и на скатерти материализовался новый чайный прибор. Красный, в крупный белый горох. Лумумба уважительно присвистнул, Машка взвизгнула от восторга. Я фыркнул и отвернулся, но тут же подумал, что становлюсь слишком похож на ворону, и сделал вид, что закашлялся.

– Просыпаюсь после дежурства, чувствую – русским духом запахло. Дай, думаю, зайду, узнаю у новых постояльцев: от дела лытают, или правду пытаются... – тархтел старичок, влезая на лавку между мной и Машкой. – Агасфер Моисеевич. – он протянул узкую, но крепкую ладошку сначала учителю, потом нам. – Можно деда Фира.

– А мы... – начала Маша.

– Слухами земля полнится, – отмахнулся дедок, вгрызаясь в здоровенный кус пирога, подсунутый котом. Зубы у него, кстати, были как у молодого. Здоровенные и белые, будто из Мейсенского фарфора.

– А откуда? – не выдержал я. – Вот и Арина Родионовна...

Дедок, осторожно дую на горячий чай, только флегматично пожал плечами.

– Хозяйка пасьянс раскладывала, – пояснил кот, а потом многозначительно покосился на бвану и процитировал: – "И Придет Сатана: ликом черен и прекрасен".

– Согласно книге пророка Захарии, – высунулась из-за печки неугомонная птица Гамаюн, – Сатана выступает обвинителем на небесном суде...

Машка запустила в неё кренделем, а Лумумба поспешно сменил тему, обратившись к Агасферу Моисеевичу:

– Вы говорили, что вернулись с дежурства. Что за служба у вас в Мангазее, если не секрет?

– Воздушный дозор, – фыркнула птица Гамаюн, споро проглотив угощение. – Тоже мне, летучие отряды выискались.

– Ты там на печь случайно не какни, от избытка чувств, – поддел её кот. – Завидуй молча...

– Это те, которые на воздушном шаре? – перебила кота Маха. У нее горели глаза. – Я на пляже видела, и еще над городом...

– Глазок-смотрок у красавицы, – усмехнулся дед. – Они самые и есть. В каждом дозоре – три боевые единицы.

– И для чего такие нужны?

– А для всего. За болотами да тайгой приглядывать. За приисками – худой народец на караваны засады устраивает, так сверху-то всё-ё-ё видать. За морем следим – какие корабли в гавань входят, какие на рейд становятся. По-над городом, опять же... Воздушный дозор князь Игорь учредил, – дед тяжело вздохнул. – Больших талантов человек был.

– А почему три? – не унималась Машка.

– Двое дружинников и маг. Мы, звезда моя, сугубые индивидуалисты. Только по-одному и можем.

– А почему тогда вы напарники? – живо повернулась она ко мне.

– Темных всегда двое, – опять встряла птица Гамаюн. – Ворон ворону, как говорится...

– Кто постоянно на Тот свет ходит, да с душами людскими дело имеет, обязательно в страховке нуждается, – пояснил деда Фира. – Это не то, что мы, светлые: магия слова, фокусы-покусы с психополями...

– Ученик клятву на крови дает, что учителя в спину не ударит, – ехидно прокаркала птица, а я поморщился: без этих подробностей можно было спокойно обойтись...

– Это правда? – Машка пытливо уставилась на Лумумбу. – вы вместе только из-за какой-то клятвы?

– Неправда, – вместо учителя ответил я. – Я за бвану горло кому хошь перегрызу.

– Вот и я об чем, – беззлобно хихикнул деда Фира. – Маги – что твои хищники. Агрессия у нас в крови. Или, по науке этологии, врожденная высокоранговость вкупе с высокопримитивностью...

Все замолчали. Видимо, задумались, каким местом этология стыкуется с магией.

– А вы? Давно служите? – наконец нарушил молчание Лумумба.

– Да с месяц, наверное, – старик, скривившись, помассировал поясницу. – И если в скором времени перемен не будет, как есть все кости выстужу. Верхние ветра – не чета поземельным. Иной раз так дунет, душа в теле еле держится. Чертов Душегубец... – он передал пустую чашку коту и тот мигом её наполнил. Чай, кстати, был индийский, байховый. Такой и в Москве не вдруг купишь. – Таланты у меня не совсем в боевой области лежат, – продолжил дед Агасфер. – Раньше-то я при порте служил, на таможне. Суда на контрабанду проверял... Но при-

шло мобилизоваться, учитывая прошлый, до Распыления, военный опыт. Пехота – матушка пехота... – глаза его мечтательно затуманились.

– А что случилось в городе? – спросил я. Подумал: может, таким образом и об убийстве Игоря разузнать удастся...

– Серийный убийца случился, – вместо него ответил кот, шумно отхлебнув из блюда. – Вот Сварог и ярится. Дружина три месяца под ружьем, маги нервное истощение в вине топят... Сыщики доморощенные.

– Сварог своё дело знает, – одернул кота дед Агасфер. – За то время, что облава идет, десятка два малин накрыли. Почитай, всех воров да разбойников извели.

– Главный-то упырь на свободе, – не сдавался кот. – На той неделе свежий труп был.

– Труп? – как бы невзначай уточнил Лумумба, намазывая медом булочку.

– Да и не труп вовсе, а так... недоразумение сплошное, – махнул рукой дед. – Кусочек уха, клочок волос... Ну, и кровящи ведра три. Почерк у него такой: на всех местах преступлений – только кусочки. В одном тереме даже отрезанная коса нашлась.

– Это где дочка купца Толстопузова пропала? – уточнил кот. Агасфер кивнул, а кот непочтительно фыркнул. – Пусть на Веселой улице поспрашивают.

– Что ты мелешь, рыжий? – насторожился дед.

– А то, что жадничать меньше надо. Дуньку Толстопузову проезжий немец свел. Косу отрезал, да в свиной крови вымочил, чтобы на Душегубца похоже было. Дурища по воле папеньки, в девках засиделась, выгодного жениха дожидаетесь. Вот и бросилась на шею первому, кто пальцем поманил. Немец ею натешился да и продал в веселый дом. Хорошие деньги взял: купцова дочка налитая да гладенькая, на чистом сливочном масле воспитанная... Не чета приبلудным кошкам с торговых кораблей.

Дед ухватил кота за ухо. Раздался звериный мяв.

– Ах ты паскуда! Ты почему об том, что знаешь, раньше не сказывал?

– А кто меня спрашивает? – кот вырвался и уполз под стол. – Моё дело маленькое: хозяйке угождать, да ушки на макушке востро держать!

Машка сунула ему под скатерть кусок пирога.

Возникла неловкая пауза. Было только слышно, как птица Гамаюн возится на печи, негромко лязгая железными перышками, да на стене отсчитывают секунды ходики. Часы, кстати, были прелюбопытные: над циферблатом у них были настоящие живые глаза, которые внимательно следили за всем в комнате.

– А вы ведь... из служивых будете? – кашлянув в кулачок, вдруг спросил дед.

– Есть такое дело, – кивнул наставник, предупреждая выстрелив взглядом в Машку. Та мигом захлопнула рот и разочарованно засопела. – Только мы по дипломатической части.

– А сыскным делом, значить, никогда не увлекались? – Агасфер хитро прищурился, и Лумумба покаянно склонил голову.

– От вас ничего не утаить.

– И к нам тоже неспроста прибыли, – утвердил дед.

– Что хитро, то и просто, – вздохнул учитель. В глазах его мелькнула печаль.

– А раз так – пошли в кабак, – подвел неожиданный итог дедуля и бодро вскочил, направляя косоворотку. Кот заинтересованно высунул морду из-под скатерти.

– В кабак? – переспросила Машка, глядя в окно. – Так день на дворе.

Лумумба достал часы, а затем удивленно причмокнул.

– Однако. Девять часов уже.

– А светло...

– Скажите мне, что может быть прекрасней майской белой ночи? – продекламировал Агасфер Моисеевич и подмигнул. – Уважьте, господа, не побрезгуйте. Я вас с нашими познакомлю. Заждались поди...

Глава 4

Иван

К ночи похолодало. Солнце бултыхалось у самого горизонта, как замороженный желток в мутном бульоне. По красному небу, радужными перьями исполинской жар-птицы, расходились облака. Сквозь них просвечивала лиловая изнанка. У меня с недосыпу и усталости все контакты в мозгу переклинило, но местных эта постъядерная расцветка, походу, не напрягала: город, несмотря на поздний час, бурлил. Лавки наперебой зазывали покупателей, по мостовым, гудя клаксонами, грохотали автомобили, а по тротуарам фланировали зеваки.

Агасфер Моисеевич, в кипе, чуть потертом на локтях черном лапсердаке поверх косоворотки и кирзовых, смазанных салом сапогах, важно выступал впереди. За ним шел Лумумба, помахивая новой тросточкой. Наставник, игнорируя обновки, напялил любимый кожаный плащ, мне пришлось влезть в тесный пиджак, починенный заботливым бабкиным котом, а Машка не захотела расстаться с любимой джинсовой курточкой, протертой в самых стратегических местах. Она и медведя с собой прихватила. В качестве талисмана, наверное.

Птица Гамаюн, уютно устроившись на плече Лумумбы, интимно ворковала ему на ушко, я не прислушивался. Сначала птицу брать не хотели, но кот так плотоядно ей подмигивал, что сжалились все, даже Машка.

Никто на нас внимания не обращал, не то что днем. Я удивился: драгоценный учитель, в белых перчатках, длиннополом плаще и бакенбардах, имел внушительный вид даже без толпы носильщиков за спиной, но потом дорогу нам перешла толпа викингов – при кольчугах, рогатых шлемах, топорах и моргенштернах, и я успокоился. Портовый город, дикие нравы...

Как бы в подтверждение Маша, толкнув в бок, указала на одну из лавчонок. На вывеске значилось: "Пыльца. Первосортный продукт. Лаборатория Жоржа Милославского".

– У них что, Запыленных совсем не боятся? – спросила она шепотом.

– Не знаю. Я бы боялся.

Вспомнить того же Пеннивайза. Десятка два детей пропало, пока он не спылился... Я тогда еще маленьким был, и у нас, беспризорников, это самая ужасная страшилка была: не прячься, мол, в канализации, к безумному клоуну попадешь...

– На такой халяве наркоманов должно быть, как грязи. Разве это правильно?

– Здесь так не говорят, – птица Гамаюн, услышав наш разговор, слетела с Лумумбиного плеча и приземлилась на моё. Я привычно уже крякнул от тяжести. – Альтернативно зависимые – так мы их зовем в Мангазее.

Машка скептически хмыкнула, и на этот раз я с ней согласился: как не называй, а наркоманы – они и в Африке наркоманы...

Ветер дул так, словно хотел сорвать скальп с черепа. – И это еще низовой, – припомнил я слова деда Агасфера. Страшно подумать, что наверху делается... Задрав голову, я посмотрел на воздушный шар, маячивший над Железной стеной. От него к земле тянулся толстенный канат, напряженный, как струна.

– Они же сгорают, как свечи, – не унималась Маха. – Две-три вмазки и всё, спылились. Какие из них маги?

– Сколько жить – личное дело каждого, – нахохлилась, закрываясь от ветра железным крылом, птица. – А казне прибыль.

– Ясно всё с вами, – презрительно скривилась моя напарница. – Жадность – второе счастье. А с маганомалиями кто борется?

– А сами маги и борются, – присоединился к беседе дед Агасфер. – И волки, как говорить, сыты, и овцы целы.

– Это как? – тут уж и я удивился. – Как Мюнхгаузен, который себя из болота за волосы тащил? И еще деньги за это платят?

– Всех такой порядок устраивает, – пожал плечами деда Фира и остановился. – А вот мы и пришли.

Оказались мы перед сплошным, в рост человека, деревянным забором. Состоял он из заточенных и обожженных наверху кольев, не имея в себе ни щелочки, ни лаза, ни дверки. Я вспомнил про гигантских Кайдзю. Такой забор, пожалуй, даже их бы остановил. Ненадолго.

– Куда пришли? – спросила Машка, осторожно трогая почерневшие, вековой давности бревна.

– Глаза разуй, – лязгнула клювом птица Гамаюн.

А чего тут разувать? Частокол как частокол, высокий да крепкий. Такие на Руси еще со времен татаро-монгольского ига любят... Ворона закатила глаза, и я наконец додумался протянуть руку и чуток приоткрыть Завесу.

– Ох ты ж... оперный бабай!

Вход в магический кабак находился в Нави и выглядел, как древняя замшелая изба на куриных ногах. За избой произрастал сумрачный лес: могучие заплесневелые стволы, склонившиеся под тяжестью игл ветки, папоротники с закрученными в спиральки листьями... Межеловых стволов поблескивала толстая, как бельевая веревка, паутина. Я передернулся от отвращения: до сих пор, как вспомню чуть не сожравшего меня паука, живот болеть начинает.

От леса тянуло стылой могильной сыростью, а из темноты доносились такие звуки... Будто кто-то что-то раздирал, отрывал и проглатывал.

При нашем приближении избушка издала утробное "Ко-о-о..." и, покачиваясь, переступила с ноги на ногу. Ноги у нее были мощные, в желтой бугристой шелушащейся коже, с громадными загнутыми когтями и твердыми беговыми мозолями. К двери мимо них вели высокие ступеньки, огороженные перильцами с резными балясинами.

Дверь была наглухо закрыта, а по обеим сторонам её застыли рыжей масти ифриты с кривыми ятаганами, в чалмах, крошечных жилетках и широченных шароварах.

Старик Агасфер, поманив нас за собой, стал подниматься по ступеням, меняясь с каждым шагом. Лысину его прикрывала черная треуголка, отороченная серебряным позументом, из-под неё воинственно встопорщилась просмоленная косичка. Спина выпрямилась, с плеч упал бархатный, чуть траченный молью плащ, а у бедра тяжко качнулся эфес длинной шпаги. Серебряные шпоры негромко зазвенели...

– Пароль! – громыхнули ифриты.

– План по валу, – прокричал Агасфер.

– Вал по плану. Проходи, – хором ответили стражники.

Дверь сама собой распахнулась.

– Ух ты! – Маха даже рот раскрыла. – Я раньше такое только в кино видала. Как это вообще возможно? Пятое измерение, да?

Изнутри изба выглядела, как обыкновенный пивняк, только расположенный в просторном фойе научно-исследовательского института. Столики были высокие, за которыми принято стоять, а не сидеть. Сходство с институтом придавали еще и развешанные по стенам графики и диаграммы, нарисованные от руки на листах ватмана.

Зал был украшен высокими мраморными колоннами, капители которых были увешаны гроздьями нетопырей. Время от времени кто-нибудь из них расправлял крылья, отрывался от насеста и плавно, описывая круги, опускался до уровня столиков, подхватывал сухарик или рыбью голову, и взмывал к потолку. В дальнем конце угадывались две лестницы, завинченные

друг вокруг друга, как цепи молекулы ДНК. Они уходили ввысь, где совершенно терялись в облаках.

Посреди зала возвышалась круглая хромированная стойка, утыканная кранами. Их рычагами орудовало существо, больше всего смахивающее на огромную крысу. Нет, я серьезно: у него были красные бусинки-глазки, острый нос с торчащими усами, покрытая шерстью грудь и аккуратные лапки с черными когтями... Присмотревшись, я уважительно и восхищенно присвистнул: это был древнешумерский демон-рапаит. Насколько я помню из курса истории, в его обязанности входит совращение рода людского всякими излишествами нехорошими... А местные маги, получается, обернули это его свойство себе на пользу, обязав бесконечно поставлять спиртное. Причем, бесплатно...

"Использование магического существа в корыстных целях", – вспомнилось совершенно автоматически. Статья двадцать шестая Магического кодекса... Чтобы не показаться деревенщиной, я сделал вид, что всё пучком.

Зал густо пропах копченой рыбой, дым от сигарет клубился такими плотными облаками, что на них можно спать. Столики почти все заняты, вокруг кучкуются по двое, четверо и даже шестеро человек. Стоит негромкий равномерный гул голосов.

Дверь, поддав мне пониже спины, наконец с грохотом захлопнулась. Обернулись все. Лумумба замер, давая себя рассмотреть, и я почувствовал, как над столиками взвихрились потоки силы. Будто мальки на мелководье, они легонько касались язычками меня и наставника, равнодушно обходя Машу.

– Спокойно, падаван, – негромко сказал Лумумба, я кивнул.

Была у нас в общаге такая игра: два мага вытягивали по ложноножке силы, упирали одна в другую и старались передавить. Как в армреслинге, только без рук. Здесь было похоже.

Удивляло другое: среди магов, как будто так и надо, сидело довольно много дружинников. На фоне вычурных плащей, треуголок, шелковых цилиндров и широкополых, с перьями, шляп, люди в вороного цвета комбезах с золотыми нашивками выделялись, как акулы среди тропических рыб. Что характерно: ни один дружинник и ухом не повел, когда у собутыльников, как болотные огни, повспыхивали глаза...

Когда из-за плеча Лумумбы выдвинулся деда Фира и подал рукой какой-то знак, вспышки синевы поутихли, ложноножки силы попрятались, а их хозяева вернулись к пиву и прерванным разговорам.

– Чего стоите? – спросил дед, подталкивая нас в спины. – Вон, наши ждут...

Лавируя между столиками, я вдруг увидел знакомое лицо. Сначала удивился: познакомиться-то вроде ни с кем не успели. А потом вспомнил: это был тот человек из острога, который нас к Ольге пропустил.

– Вань... – Машка незаметно взяла меня за руку.

– Ты чего?

– Да так. Не нравится мне здесь. Столько магов – и на свободе.

– Это в тебе охотничьи инстинкты говорят. Расслабься.

Хотя... Я прекрасно понимал, что последовать моему совету невозможно. От инстинктов просто так не отвернешься.

– Того военного видел? – спросила она. – Как думаешь, узнает он нас?

– Нас может и не узнает... – я многозначительно покосился на наставника

– То-то и оно, – кивнула напарница.

...представили друзьям Агасфера Моисеевича. Имен я не запомнил – голова была забита опасениями по поводу разоблачения. В памяти остались только черный аккуратный пробор, нервные ухоженные руки, перебирающие колоду карт, тонкие усики да одинокая, повисшая в

воздухе улыбка. И еще чей-то простуженный голос за спиной, постоянно перхающий и пытающийся втолковать, что на воздушные дежурства власти обязаны выдавать зипуны и валенки за казенный счет...

Лумумба, сопровождаемый Агасфером, органично влился в магический коллектив и тут же затеял какой-то профессиональный спор, а мы с Махой робко пристроились в сторонке, у пустого столика. Нам было неудобно: Машке он был слишком высок, а мне – низок. Попытался опереться о столешницу локтями – оказалась она вся в мокрых пятнах от пролитого пива и с присохшими рыбьими костями... Правда, к нам тут же подоспела девица с блокнотиком и полотенцем вместо фартука. Она вытерла стол, а затем принесла Машке складную скамеечку.

– Только попробуй что-нибудь ляпнуть, – пригрозила она, взгромождаясь на табурет.

– И в мыслях не было...

Хотя, конечно, было. Но лучше я воздержусь.

Спросили клюквенного морсу. Вернее, Машка и спросила. Я-то пива хотел – подавальщицы в красных сарафанах разносили симпатичные кружечки с пенными шапками, но моя новая напарница, больно ткнув в бок острым кулачком, прошипела:

– Обойдесся. Мало ли что...

В целом, она была права.

Кроме морса, нам принесли корзинку с чесночными хлебцами, блюдо с жареной корюшкой и целую миску грецких орехов. Мы ничего такого не заказывали, но деда Фира, на мгновение возникнув за плечом, протарахтел:

– Угощайтесь, детки. За счёт заведения.

Маха тут же потянулась к рыбе.

– Ну, и что ты обо всем этом думаешь? – спросила она, засовывая в рот целую рыбку. На щеки и подбородок ей брызнуло масло. Я, вздохнув, тоже взялся за вилку. – Княгиню и вправду казнят? Спросила она это очень громко, совершенно не скрываясь. Я нервно огляделся.

– Не знаю. Бвана после встречи совсем духом упал.

– А тебе не кажется, что это она так его подзуживала? Ну, типа... на слабо?

– С чего ты взяла?

– Женская интуиция, – игнорируя салфетку, она облизала пальцы и шумно приложила к высокому стакану с красным, как кровь, морсом.

– Это у тебя-то?

– А чего? По-моему, всё понятно.

– Это ты по собственному опыту?

Машка на мой сарказм только закатила глаза, и упрямо продолжила:

– Базиль – её бывший, так? Но обратилась она именно к нему, а не к кому-то другому.

– Бвана – лучший. Если он не сможет помочь – никто не сможет.

– Вот то-то и оно. Ольга – магичка. Кто ей мешал... ну, обернуться птицей, например, и улететь? В Москву, под крылышко товарища Седого? Но она осталась. Она хочет, чтобы Лумумба во всём разобрался.

– У нее там какое-то исследование, – вспомнил я. – Дело всей её жизни...

– Это – предлог. Она не может признаться, что ждет спасения от бывшего мужа, да еще и другого мага. Помнишь, что деда Фира говорил? Маг магу – волк...

На стол, громыхая крыльями как ангел страшного суда, пала птица Гамаюн. С места в карьер она ткнулась клювом в орехи, оловянная миска зазвенела, посыпались искры. Ворона, смешно растопырив ноги, шмякнулась на пол.

– Ты что, наклюкалась? – я помог ей взобраться обратно. Птица со скрипом повертела головой, на мгновение её глаза потухли и затем, как две лампочки, вспыхнули вновь.

– Я думала, это глазные яблоки.

– А то, что они твердые и коричневые, тебя не насторожило? – буркнула Маха.

– А может, они сушеные, – не сдавалась ворона. – О! Жареная рыбка!
– Она же железная, почему тогда столько жрет? – повернулась ко мне напарница.
– Для энергетической подпитки, – подкинув рыбку в воздух, птица Гамаюн заглотнула её вместе с головой и плавниками, как червяка. Затем, схватив клювом орех, принялась долбить им о край стола. Звук был, будто огромным молотом лупят по наковальне...

Вздыхнув, я взял горсть орехов и сдал их в ладони, а потом высыпал обратно в миску. Ворона, благодарно каркнув, принялась выклевывать ядрышки.

– Тебя же княгиня сотворила. Ты питаешься от её сил, – укорила Маша.

– Вам что, дармовой еды жалко? – огрызнулась Гамаюн. – Сами-то жрете и не краснеете. – Маха собралась сказать еще что-то обидное, но тут хлопнула входная дверь. Вбежал молодой дружинник. Он тяжело дышал, забытый автомат сбился на спину, а бронезилет расстегнулся и скособочился. Светлый чуб у парнишки прилип ко лбу.

– Беда, батюшка сыскной воевода! – вскричал он. – Не вели казнить...

К нему быстрым шагом направился наш знакомый незнакомец, а в зале, как давеча, вновь завихрилась сила.

– Вот, выпей.

Взяв со чужого стола, мужчина протянул дружиннику полную кружку. Тот опрокинул её залпом, прижал на мгновение рукав ко рту, а потом выдохнул:

– Душегубец, батюшка сыскной воевода. Опять.

– Где?

– На Веселой улице. В доме госпожи Лады. Мы мимо дозором шли, а она как выскочит, как выпрыгнет... Мы – туда. Я, как увидел... – дружинник судорожно вздохнул. – Я, как увидел... – повторил он, поперхнулся, но справился и закончил: – Меня старший наряда сюда и послал. Беги, говорит, и без сыскного воеводы не возвращайся.

– Подожди.

Воевода обернулся к залу и стал вглядываться в присутствующих. Будто взвешивал каждого, и, приняв решение не в его пользу, искал дальше.

Народ реагировал разнообразно: кто-то с готовностью поднимал голову, кто-то, уткнувшись в кружку, делал вид, что его это не касается, а кто-то и вовсе демонстративно отворачивался. Дружинники, все как один, вскидывались, но воевода лишь скользил по ним взглядом, а маги... Деда Фира, например, демонстративно отвернулся, как и его собеседник, который ратовал за выдачу бесплатных валенок. А вот их сосед быстро и размашисто шагнул вперед, но воевода, благодарно кивнув, только покачал головой.

Когда очередь дошла до нас, мы с Машкой, не сговариваясь, вытянулись в струнку. Не знаю, почему. Может по привычке, или взгляд воеводы обладал такой, знаете, двигательной силой. Завидев нас, воевода удивленно поднял бровь, а затем кивнул вороне, как старой знакомой. Та ответила, уважительно тряхнув хохолком. Когда очередь дошла до Лумумбы... Поймав взгляд воеводы, наставник на него ответил и... удержал. Честно говоря, на другое я и не рассчитывал: чтобы бвана отказался от какого-то дела, пусть даже напрямую оно его и не касается – такого еще не случилось. К тому же, мы у этого человека в долгу...

Воевода явно такой реакции обрадовался, потому что широко улыбнулся, подошел к столу и протянул руку.

– Сыскной воевода Олег, – сказал он просто. – А вас я узнал. Вы – сыщик из Москвы.

Я тихо вздохнул: не удивлюсь, если завтра с нами уличные шавки здороваться начнут.

– Значит, наш маскарад в остроге... – начал Лумумба, отвечая на рукопожатие.

– Мы вас ждали, – пояснил воевода. – Княгиня не скрывала, что обратилась за помощью... – он замялся, и учитель быстро кивнул.

– Ясно. Чем могу помочь?

– Может, по дороге поговорим?

- Разумеется. Только со мной помощники.
- Буду рад любой помощи.

– Сейчас я понимаю, что начались убийства еще полгода назад. Но связать их воедино мы смогли лишь недавно.

Олег вел нас по пустым сумеречным улицам. Я удивился: буквально час назад они просто кишели народом. Неужели слух об очередном убийстве разогнал людей по домам?

– Уголовщины у нас всегда хватало. Молодой, богатый портовый город... Авантюристов всех мастей такие места притягивают, как коровья лепешка навозных мух. А хватились мы не сразу еще и потому, что жертвами были люди, состоявшие, так сказать, в группе риска. Побродяжка, шлюха из портового кружала, мелкий воришка, про которого все думали, что его подельники замочили... А потом проявилась система. Или, как еще говорят, почерк. Всегда это люди подозрительные. Где-то нечистые на руку, или просто замешанные в чем-то. И еще одно: само место преступления. Всё в кровище, а вокруг – никаких следов. Будто убийца по воздуху прилетел и таким же манером скрылся.

– Была у нас как-то банда скоморохов, – сказал Лумумба. – Так они на ходулях передвигались, трехметровыми шагами.

– Вот и я о том же, – оживился Олег. – Серийный убийца – не наш уровень. Мы же, если по-честному, не сыскари, а военные. Даже с основами криминалистики не знакомы, действуем, почитай, наугад. Как те слепцы, что на ощупь воображают слона... А люди гибнут. Когда княгиня сказала, что обратилась за помощью к вам... В общем, я обрадовался. А вась, подскажите что-то дельное.

– Только не говорите, что поэтому вы княгиню и повинтили, – брякнула Машка. Я споткнулся, Лумумба неопределенно хрюкнул. По-моему, он подавил смешок.

– Не скажу, – покладисто согласился Олег. – Однако напомним, что у нас еще поруб свободен.

– Поруб, – ласково пояснил наставник, – Это холодная землянка с крепкой дубовой дверью. Обычно используется для хранения разнообразной снеди.

- Горячие головы тоже неплохо остужает, – дополнил лекцию воевода.
- Машка, как всегда, только фыркнула.

...Он всё спланировал, – заключил Лумумба, глядя на отрезанный женский палец, лежащий на белоснежной подушке. Ноготок был выкрашен в ярко-красный свет. Точно такой же, как и небольшое пятно, расплывшееся по белой наволочке.

– А деда Фира говорил, кровищи ведра три... – повторила Машка уже в третий раз. Она стояла, прикипев взглядом к подушке, стиснув плюшевого медведя так, что голова у того почти отвалилась. – Он говорил, что обычно на месте преступления кровищи...

- Да, мы помним, – обняв за плечи, я насильно отвёл её от кровати.

– Больше ничего не было, – утирая глаза кружевным платочком, ответила хозяйка заведения. – Вечером девочки спускаются в общую залу. Играет музыка, можно потанцевать... – она себя оборвала. – А Лидочка не появилась. Я отправила за ней прислугу, думала, совсем обнаглела парш... девушка. А тут – вот это... – губы хозяйки безобразно распялились.

– И никто ничего не слышал? – резко спросил Олег. Госпожа Лада вздрогнула и затрясла кудряшками. Обширные телеса, выпирающие из декольте, заколыхались, и я отвел взгляд. – Но ведь... когда отрезают палец, это очень больно, – продолжил воевода. – Неужели девушка не кричала?

– Палец могли отрезать у мертвого тела, – задумчиво пробормотал Лумумба. – Больше никаких следов?

– Нет. Мы всё обыскали, – женщина перестала плакать и сжала губы в тонкую линию. – Найму мага в охрану, – сообщила она. – Это ж какие убытки, когда лучших девочек...

И тут послышалось тяжелое кап... кап... Все автоматически посмотрели на потолок. Тот был, если можно так выразиться в подобном заведении, девственно чист. Дождя сегодня тоже не наблюдалось, только ветер.

Машка, отбросив медведя, как загипнотизированная потянулась к кровати. Я хотел её остановить, но Лумумба отрицательно качнул головой.

Взяв за уголки, Маша сначала приподняла, а затем полностью откинула покрывало. По комнате поплыл сладковатый, железистый, такой знакомый запах...

– М-мать-перемать, – конструктивно высказался воевода.

Глава 5

Иван

– Правду деда Фиры говорил, – нервно сглотнула Маша. – Я столько кровищи в жизни не видела. В смысле – человеческой...

Она стояла, затолкав кулачки в карманы куртки. Лицо бледное, каждую веснушку сосчитать можно, но в голосе уже прорезалась привычная ершистость.

Когда Машка подняла покрывало и мы увидели озеро крови, пропитавшее и одеяло и перину, всем стало не по себе. Но когда наставник, сунув в центр багрового, со свернувшись сгустками месива палец, затем его невозмутимо облизал, к горлу неудержимо подкатило. Машка так сразу бросилась на улицу, да и я, пользуясь моментом, рванул за ней: воздух вдруг обрел ватную плотность и стал горячим, как в бане.

– Брр... И этот человек запрещал мне соплю рукавом вытирать, – сев на крылечко, Машка уткнула лицо в ладони. – Никогда этого развидеть не смогу...

Я сел рядом. Страшно, почти до судорог, хотелось водки. И еще: я теперь прекрасно понимал магов, которые не хотели идти с воеводой.

– На первом месте преступления все блюют.

– Правда?

– Об этом в Академии специально предупреждают. Естественно, все думают: ну, уж это точно не про меня! А потом блюют.

– Слабаки, – фыркнула Маха и отвернулась, задрав нос.

– Эй, а сама-то, чего за угол бегала?

– Да ничего, – она независимо дернула плечом. – Писать захотелось.

– Врешь. Тоже блевала. Представила, какова на вкус холодная, свернувшаяся кровь... Скользящая, чуть солоноватая... А пахнет она ржавчиной и... – Машка засопела и судорожно сглотнула.

– Замолчи, – еле выдавила она, вцепившись мне в руку.

– Вот то-то же.

– Ну извини, что я место преступления в первый раз вижу... – отпустив меня, она устала себе под ноги.

– А вот я не блевал, даже в первый раз. А ты сама слабачка и есть!

– Ах ты... – прынув как барракуда, она больно ущипнула меня за бок. Я вскочил. Уже размахнулся, чтобы отвесить леща, но в последний миг удержался. Ладно она меня стукнет – что слону дробина? А если я, да еще и не рассчитаю...

Машка неожиданно хихикнула.

– Ты чего?

– Хорошо, что птичку с собой не взяли. С её любовью к глазным яблокам.

Умную птицу Гамаюн по настоянию Машки мы оставили в кабаке, на попечении деда Фиры. Ворона, правда, пыталась возмущаться, но напарница пригрозила скормить её коту. Что-то у них с птичкой не заладилось, пока не пойму.

– Ну... – поднявшись, она взялась за ручку двери. – Идем назад.

– Ты можешь не ходить.

Машка перестала улыбаться, и посмотрела на меня огромными, темными из-за расширившихся зрачков, глазами.

– Она была совсем молоденькая, верно? Моя ровесница, может, чуть старше. Красивая. Он её заставил молчать. Ну, когда палец резал. Как-то он её заставил. Может, пригрозил родственникам навредить, или еще что...

– Какие могут быть родственники у шлюхи из борделя? – пожал я плечами.

– А шлюхи что, не люди? – Машка вытянулась передо мной во весь рост. – Любая может оказаться в таком месте. Ласточка, например.

– Ну, а ты?

– Меня бы не взяли, – у нее чуть дернулся уголок рта. – Я некрасивая.

Резко повернувшись, она взбежала на крыльцо и потянула дверь на себя. Я пошел следом, пытаюсь придумать, как ей объяснить, что мне её внешность даже очень нравится...

– Она могла быть беженкой, – сказал я, догнав Машку в коридоре. – Ну, знаешь, многие стремятся сюда на заработки. В порту так вообще вертеп на вертепе...

Она только дернула плечом и прибавила шаг.

Кроме Лумумбы и Олега в комнате никого не было. Окровавленные матрасы и одеяла вынесли, и кровать темнела голой панцирной сеткой. Из фиолетовых сумерек, которые здесь считали ночью, через распахнутое настежь окно доносились пение соловьев и запах жасмина. А еще почему-то каши и щей.

– Надо узнать, как она жила, – с места в карьер подступила Машка к Лумумбе. – Может, у ней родственники есть, или еще кто. Ну, и вообще... Девочек расспросить.

– Вот и займись, – меланхолично кивнул наставник.

– Я? – даже приятно сделалось от того, что она растерялась.

– Инициатива наказуема исполнением. Не Ивана же по девичьим светелкам посылать.

Представив, как допрашиваю веселых девиц в так называемых "светелках", я почувствовал, что краснею и отвернулся.

Не дождавшись других указаний от наставника, моя напарница повернулась к двери, но её остановил Олег.

– Подожди. Расспроси девушек еще вот о чем: кто где был, что делал. Может, всё-таки что-то слышали... Шум, падение чего-то тяжелого, что угодно. И во сколько. Хозяйке велено не препятствовать. – Маша вопросительно глянула на Лумумбу. Тот, всё так же рассеянно, но ласково кивнул, и она убежала.

– Может, вы и другие случаи изучить желаете? Мы всё, что можно, записали, – обратился сыскной воевода к Лумумбе.

– Лучше расскажите своими словами, – учитель прохаживался по комнате, заложив руки за спину, изредка наклоняясь, чтобы рассмотреть щетку для волос на зеркальном столике или косынку, небрежно брошенную на спинку стула. – Каким было первое убийство?

Комната была небольшая, темноватая, с одним окошком. На полу – яркий половичок, в углу – мутное, с облезшей амальгамой зеркало, убранное кружевной накидкой. За раму заткнуто несколько бумажных цветков. Почему-то они живо напомнили о кладбище...

На столике под зеркалом – баночки, скляночки, шкатулочки – всё дешёвенькое, простенькое, но какое-то аккуратно-симпатичное. На керосиновую лампу наброшен шелковый цветастый платок. Дверцы высокого, под потолок, шкафа залеплены открытками, этикетками и картинками, вырезанными из журналов. Сплошь броско разодетые дамы в окружении дорогих автомобилей, яхт и прочих атрибутов красивой жизни...

– Первое убийство случилось еще зимой, – начал Олег. – Дружинник Данила Кручинин. Нашли его под Железной стеной, с нашей, городской стороны. Я до сих пор не уверен, что он имеет к остальным какое-то отношение. Просто... Видите ли, он был весь переломан. Значит, падал с самого верха, метров с двадцати. Но случайно со стены упасть нельзя: там высокие зубцы, чтобы бойцы не оставались на виду во время атак. Значит, самоубийство? Но сму-

щало вот что: парень собирался жениться. Напарники говорили, Данила все уши про невесту прожужжал. Мечтал, как они станут жить-поживать, да сколько деток народят. В дружине на хорошем счету был, повышение по службе к свадьбе готовили... С чего ему со стены вниз головой сигать?

– Причины могли быть иного свойства, – заметил Лумумба, опускаясь на колени. Из кармана он достал лупу, и стал водить ею над полом, изучая одному ему заметные следы. – Например, его могли сбросить... Магов спрашивали?

– Пытались. Молчат, как рыбы об лед, эгоисты хреновы. Извините.

– Ничего, – забравшись под кровать, наставник чем-то там погромыхивал. – Я привык.

– У нас, в Мангазее, ведь как? – сыскной воевода разгорячился. – Каждый сам за себя. Приезжают за свободой, да за длинным рублем... А где деньги – там и наркотики. Игорь вот решил Пыльцу легализовать. Говорил, пылиться всё равно будут, ничего с этим не поделаешь, пускай хоть налоги платят. Маги к нам и хлынули, как лосось на нерест. Тогда он, помимо налогов, еще и общественную повинность ввел: каждый обязан сколько-то часов в неделю работать на город. Ходить в дозоры, дежурить на таможне, в госпитале, на атомной станции...

– Умно, – глухо похвалил из-под кровати наставник. – Поставили, значит, магию на службу обществу.

– У вас в Москве и научились.

Лумумба вылез из-под кровати, держа в руке портняжные ножницы, вымазанные в подсохшей крови. Сразу вспомнился отрезанный палец... Наставник протянул ножницы мне.

– Это по твоей части, падаван. А у меня голова что-то разболелась.

Усевшись на стуле у окна, учитель принялся обмахиваться носовым платком.

Я осторожно взял ножницы за кольцо, стараясь не касаться окровавленных лезвий. Сосредоточился и произнес про себя формулу поиска.

...Бездна голодных глаз. Они смотрят, они ждут, они жаждут... А сзади уже поднимается тень. Заносит руку... Острая боль, удивление, а затем – отчаянное желание жить.

Под окном, с уличной стороны, заворчалось, заворчало глухо, тоскливо, пахнуло землей и трупной вонью, и за доску подоконника ухватилась рука. Мы, все втроем, дружно отшатнулись: рука была синяя, с черными длинными ногтями. Они шелушились и отслаивались, по пальцам сочились слизью белесые гнойные пузыри.

Хищно скрючив пальцы, рука царапнула штукатурку, а потом бессильно разжалась и исчезла. Что характерно: на этой мертвой страшной руке не хватало указательного пальца...

– Эвона как! – первым пришел в себя Лумумба и, придерживая шляпу, сиганул через окно в сад.

Мы с воеводой одновременно ринулись за ним, но, столкнувшись плечами, застряли. Кое-как выпроставшись, ринулись опять. Вновь застряли. Посмотрели друг на друга. Я приглашающе махнул рукой и Олег, не касаясь подоконника, перемахнул подоконник. Я – за ним.

Продираясь через густые кусты шиповника, я мельком отметил неглубокую, развороченную яму: из нее-то и выкопался труп.

Калитка выходила в узкий, заросший крапивой и лопухами переулочек. По нему, припадая на обе ноги и по-обезьяньи загребая клешнями, бодро чесал мертвяк. Следом, забыв о головной боли, скакал мой наставник.

– Вперед! – крикнул Олег, и мы тоже поскакали. – Еще не хватало, чтобы по моему городу мертвецы разгуливали! Это твой учитель постарался?

– Да вроде нет... – мы на рысях донесли до поворота, но Лумумба с мертвяком уже скрылись. – Сам не знаю, как это случилось.

– В Мангазее быстро приучаешься чувствовать магию, – бросил Олег, оглядывая окрестности.

– Я всего лишь пытался прощупать орудие убийства... Ножницы, то есть.

С чьего-то двора послышались истеричные вопли кур, лай собак, и мы припустили туда.

– И что? Узнал что-нибудь? – на бегу спросил Олег.

– Да как сказать... – мы перемахнули через широкую, полную черной воды и ряски, канаву. – Я же только начал. Почувствовал жадные взгляды, а потом – боль.

– То есть, убийцу ты не видел.

– Да так его и не увидишь... Это скорее эмпатический образ, чем картинка. Интересно, почему он убежал?

– Не поверишь, но мне тоже, – прорычал Олег. Из-за длинного деревянного сарая опять послышался собачий лай и мы прибавили прыти.

Мертвяк повис на заборе, перекинув одну ногу на другую сторону. Лумумба держал его за другую, а в полу его плаща вцепился громадный пес. Он задуманно рычал и тянул наставника назад.

– Плащ сбросьте, – издали посоветовал Олег.

– Вот еще... – проворчал наставник. Сверкнула синяя вспышка, пес покатился кубарем, а мертвяк с наставником грузно перевалились на ту сторону.

Выругавшись, Олег сиганул следом, я же, обдирая ладони, перелез с трудом – наверное, сказывалась усталость последних дней. Сердце в груди трепыхалось, как жаба, застрявшая в бутылке.

Следующий забор дался еще тяжелее. Устроили строевую подготовку, закопай их комар...

– И почему он не бежит по улице? – посетовал я Олегу, уперев руки в колени. – Там ровно, ни собак, ни заборов...

Водички бы. В горле совсем пересохло.

– Он движется к какой-то одному ему ведомой цели, – предположил воевода. – По кратчайшему пути.

Следующий забор был особенно высок: каменный, с битым стеклом по верху. У меня упало сердце. Через эту махину я точно не переберусь...

– Тут лаз, – сказал Олег, раздвинув крапиву. Мертвец с твоим наставником тоже по нему лезли – вон, лохмотья прилипли и след от каблука... Заглянув внутрь, он поморщился и помаhal рукой перед носом. – Может, всё-таки через верх?

Я представил, как карабкаюсь опять на верхотуру, переваливаюсь, разодрал ладони и пузо, через стекло, а потом, как мешок с картошкой – вниз.

– Не. Лучше так, – я скинул пиджак.

Кряхтя, опустился на брюхо и сунул голову в дыру. Темно. Воняет мертвечиной. Но протиснуться можно.

Лаз оказался узким и длинным, как кроличья нора. Вытянув руки, я начал извиваться и отталкиваться, и сначала всё шло хорошо, а потом... Сжав зубы, я рванулся изо всех сил. Плечи заткнули проем, как притертая пробка бутылки с шампанским.

– Ты чего валандаешься? – попинал меня по пятке Олег.

Я в ответ только брыкнул ногой. Говорить не мог – грудь сдавило, дыхание сперло. Вдалеке, кажется, на другом краю вселенной, приветливо подмигивал выход из норы, перед глазами переплетались какие-то корни, тонкими струйками осыпалась земля и мелькали хвосты червей...

– Эй! Ты что, застрял? – раздалось от моего северного конца.
Нет блин, устал. Отдохнуть прилег. Ну что за идиотский вопрос! Я опять дернул ногой.

– Ваня? – это послышалось уже с другой стороны. Видно, Олегу надоело ждать, и он перемахнул через забор.

– Бя... – задушенно выдал я. Перед глазами уже всё плыло.

– Хватайся, – вытянутых рук коснулась веревка. – Держись, я тебя вытащу.

Ага, щас. Тут тягач нужен, или ломовая лошадь на худой конец. В крайнем случае – лаз расширить, дак для этого лучше киркомотыга подойдет... Но веревку я взял. Обмотал слабинку вокруг запястий и крепко схватился обеими руками.

– Готов?

– Хрю...

Рвануло так, что хрустнули плечи, но меня чуток сдвинуло. И только я вздохнул, как рвануло опять. Пуговицы от рубахи поотлетали, на спине тоже лопнуло, хребет ободрало, но голова выскочила на белый свет. Брезжило утро. Серенькое, мутное, но всё равно чудесное. Я подслеповато прищурился на Олега. Тот, молодецки подбоченясь, только усмехался в усы.

Почувствовав дуновение свежего воздуха, я завозился и задрыгал ногами.

– Давай, вытаскивай скорей!

Отбросив веревку и взяв меня за руки борцовским хватом, воевода покрепче уперся ногами, крикнул, и рванул. Вылетел я, как та самая пробка. Остановил только забор, на другой стороне улицы.

– Спаси-бо...

– Цел? – Олег вытер рукавом трудовой пот.

– Главное цело, – я потряс головой. – Остальное нарастет. Спасибо еще раз, что не бросил.

– Время себе сэкономил, – ответил воевода.

– В смысле?

– Обглодали бы тебя к утру псы, а на мне – еще один труп. Вноси тебя в отчет, да рапорт пиши...

Я непроизвольно поёжился. А потом накатило такое облегчение, какого я, наверное, еще никогда не испытывал. Будет время – поставлю Олегу четвертную. А Его Святейшеству Летучему Макаронному монстру сварю целую кастрюлю пасты а-ля болоньезе. С фрикадельками.

С проспекта донесся визг тормозов и глухой удар, будто столкнулись две железные цистерны.

– Т-твою дивизию, – воевода вновь перешел на рысь. – Ни на минуту оставить нельзя...

Я поковылял за ним.

Перед Олегом расступались. И комментировали.

– Поглянь, сам сыскной воевода пожаловали.

– Где, где?

– Да не мельтеши. Не видишь, человек на работе. Отступи в стороночку, мы на него с заду полюбуемся. Ну, видишь?

– Вижу, конечно. Я ж не слепая, когда такой видный мужчинка прет. И всё при нем: и усы, и пистолеты...

– Вот дура баба. При чем здесь усы?

– Усы всегда причем. Верное средство знаю: если усы торчком, то и всё остальное...

Я зашелся кашлем.

– А как выступает... Смотри, Матрена, у него не только усы, а еще и грудь колесом. Бронежилет-то как завлекательно топорщится...

– Красавец-мужчина, что есть, то есть. Весь в отца... – где-то за спиной сладко вздохнули.

Столкнулись черный, с лоснящимися боками Геллендваген и раскоряченный, как черепаха в случке, пятнистый Хаммер. Я вздохнул от зависти. Кучеряво живут господа Мангазейские золотопромышленники. Сколько такие движки топлива жрут...

Перед машинами топтались владельцы. Пузатые дядьки в кожаных куртках, кепках и с такими здоровенными цепями на бычьих шеях, что могли бы выдержать вес небольшой яхты. Дядьки были похожи, как двое из ларца. Да, и самое главное: они крепко держали за руки Лумумбу.

Под глазом учителя рдел синяк, щека была ободрана. На пыльные бакенбарды капали густые капельки крови. Я уже наострился рыбкой нырнуть в драку, чтоб, хотя и ценой собственной жизни, отбить драгоценного учителя...

– Спокойно, Ваня, я разберусь, – поймал меня за шиворот воевода и сам шагнул в центр композиции. – Нарушаем? – обратился он к мужикам.

– Прикинь, сыскной воевода, мы Душегубца словили, – радостно осклабился первый.

Вот это поворот! За преступника бвану еще никто не принимал...

– А... с чего вы взяли, что он и есть душегубец? – осторожно спросил Олег.

– А кто же еще? – ощерился золотыми зубами второй. – Черный, одет не по-нашему, воняет мертвечиной. И денег у него нет...

Как последний аргумент работал в пользу Душегубца, я не представлял.

– Схватили, можно сказать, на месте преступления, – подключился первый.

Бвана молчал. И не удивительно: как только наставник порывался что-то сказать, бдительные стражи встряхивали его так, что лязг зубов слышался в последних рядах толпы.

– Докладывайте, – приказал Олег.

– Он мертвяка тащил.

– Ага, прямо посреде дороги. Совсем офонарел, маньячина.

– Ну. Еду, смотрю: прет через перекресток, и мертвяк на шее...

– Я его как увидел, так и дал по тормозам.

– И я дал. Чудом не зашибли, аккурат меж бамперов проскочил. Так что вот: бери его тепленького, сыскной воевода, да чтоб живого места на ём не осталось.

– Столько народу сгубил, ирод, – подхватили в толпе.

– Ничего, отольются кошке мышкены слезки! Уж сокол наш ясный, батюшка сыскной воевода, постарается, приложит ручку свою белую...

– А плечи-то какие широкие... И профиль мужественный.

– У Душегубца чтоль?

– Тьфу, дура! У воеводы. Как у Феба...

– Эт кто такой? Почему не знаю?

– Потому, что Феб – это латинянский бог любви. Где б ты о нем слыхала, темнота подзаборная?

– А ты где?

– А мне кузнец наш, дядь Филип, сказывал, когда на сеновал водил. Амор, говорит. И глазами зырк...

Пытаясь вытрясти из ушей бабскую брехню, я перебрался поближе к Олегу. Тот деловито осматривал поврежденные автомобили, на Лумумбу пока не обращая никакого внимания.

– Протокол составим? – спросил он владельцев.

– Да на хрена козе баян? – махнул рукой первый. – Я такие тачки – пачками, паромом из Европы...

– Не будем бакланить, – кивнул второй, звякнув пудовой цепью. – Ты лучше этого черного чисто -конкретно разъясни. Ну и нас не забудь, когда дело состряпаешь. Медаль там какую, или грамоту... В рамку повешу, братаны обзавидуются. А если помощь нужна... Прижать кого, или язык развязать, ты только свистни.

– Разберемся.

Лумумбу торжественно передали с рук на руки.

– Расходитесь, граждане. – повысил голос воевода. – Больше ничего интересного не будет.

– А ведь воевода-то еще не женат... – да что, преследуют меня эти сплетницы, что ли?

– Эт кто говорит-то? Ты, что ли?

– А хоть бы и я. Мне ихняя ключница сказывала: подыскал папаня невесту, да сынок заупрямился. Не хочу, говорит, на купцовой дочке жениться, а хочу принцессу заморскую, магии обученную...

– Ага. Чтобы и его в гроб свела. Как князя...

Я поспешил за Олегом, ненавязчиво уводящим наставника в ближайший темный переулок.

– Извините, господин сыщик. Народец у нас темный, столичных методов поимки преступников не понимает... – говорил воевода с совершенно каменным лицом, даже не моргая.

– И вы на меня не сердчайте, – ровно в таком же тоне отвечал наставник. – Увлекся, вспомнил молодость... – он осторожно потрогал разбитую скулу. – Жаль, мертвец сбежал.

– Ничего, найдем, – пообещал Олег.

– Вряд ли, – Лумумба достал платок, и принялся вытирать руки. – Скорее всего, он уже далеко.

– Значит, мы о нем так ничего и не знаем? – спросил я, наконец-то отдышавшись.

– Ну отчего же? – поднял брови учитель. – При жизни это был мужчина лет сорока. Лысеющий, с бородой и солидным брюшком. Авантюрист и неудачник, но в последнее время дела его шли на лад. Скорее всего, был артистом. Смею предположить – певцом. Насколько я знаю, князь Игорь учредил в городе оперный театр, так что остается сходить и узнать, не пропал ли у них сотрудник.

– Откуда вы всё это взяли? – удивился Олег.

– Дедуктивный метод. Возраст я узнал по зубам. Зубы у него так себе, кривоватые и мелкие, но на левых коренных – новые золотые коронки. Множество шрамов и травм позволяют заключить, что жизнь покойный вел бурную и беспорядочную. Одним словом – авантюрную. В Мангазею подался, как и все – за счастьем, и здесь ему наконец-то повезло. В момент смерти одет был во фрак, пластрон, хорошие кожаные туфли... Вечерние фраки в будние дни носят или артисты, или официанты, но, судя по возрасту – он скорее артист. Так как актеры обычно держат себя в форме и не разъедаются между гастрольями, заключаю, что покойный был певцом – для их братии солидный вес только на пользу...

– Круто. Я тоже так научусь, – кивнул воевода. – Хотя, я думал, вы его магическими методами допросите.

– Магическому допросу, к сожалению, помешали обстоятельства непреодолимой силы, – Лумумба вновь потрогал скулу. Шишка была уже заметно меньше. – На шее с левой стороны – глубокая колющая рана, – продолжил он отчет. – Повредили яремную вену, человек скончался от потери крови. И палец: его отрезали уже после смерти... Зачем – пока сказать не могу. Зарыли неглубоко – или сил не хватило, или торопились. Он потому и проснулся: почувал заклятье поиска, которое применил мой помощник.

– Можно спросить мадам и девочек, – вставил я. – Ходили ли к ним артисты... – вспомнил образ, который я мельком уловил от ножниц.

– Спросим, – кивнул Олег.

– И откуда под кроватью орудие убийства, – напомнил я.

– Это еще доказать надо, – возразил Лумумба. – Чья кровь была на ножницах, мы не знаем.

– Вопрос в другом, – воевода глубокомысленно взялся за подбородок. – каким местом этот старый мертвец соотносится со свежим трупом, который, кстати, тоже пропал?

Глава 6

Иван

Приснилось, что я снова в учебке. Сплю на своей койке, и тут влетает наш инструктор, Сан-Саньч, и, пронзительно дую в свисток, объявляет побудку...

Скатившись с лавки, я ошупью надел штаны, пятерней приглаживая волосы, вытянулся по стойке смирно, и только после этого проснулся. Оказалось, это не Сан-Саньч, а бабкин петух. Мелкий тиран гаремных кур, в перспективе – суп с лапшой. Взлетев на подоконник, он орал так, будто началось Второе Пришествие Марсиан. Я запустил в него тапком. Пернатый паршивец с достоинством удалился, а в комнате раздался громовой хохот.

Визгливо каркала Гамаюн, устроившая гнездо на полатах, подальше от кота. Смеялся кот – он нашел пристанище в ногах кровати Лумумбы, и теперь совершал утренний туалет с помощью собственных слюны и лапы. Ржала Машка. Сидя на своей раскладушке и разложив вокруг разнообразные железные детальки и промасленные тряпочки, она чистила пистолет.

Пылая праведным негодованием, я набрал воздуха, чтобы отчитать супостатов, испортивших такой хороший сон, но в лицо прилетела подушка. Не удержавшись на ногах, я плюхнулся обратно на лавку, а она, коварная, вывернувшись, встала на дыбы и огрела меня по кумполу. Из глаз посыпались искры.

Под грудой одеял, где по идее, должен был почивать драгоценный наставник, раздался драконий рык. На столе, прикрытые вышитым полотенцем, зазвенели чашки и блюдца.

Из подушек возникла встрепанная голова. Свирепо оглядев единственным здоровым глазом комнату, она оскалилась и гаркнула:

– А-а-а, черти полосатые, покою от вас ни днем ни ночью! Рядовой Спаситель! Пачему личный состав бьет баклуши? Назначаю приказ: марш на улицу, делать зарядку, а не то... – не в силах продолжать, голова рухнула обратно в подушки и вновь накрылась одеялом.

Хулиганы притихли. Машка юркнула к себе за шторку, птица Гамаюн, остекленев глазами, прикинулась чучелом, кот быстренько вымелся за дверь, а я, согласно приказу, пошел во двор. Во-первых, добежал до нужника, устроенного в дальнем конце огорода. Санитарное сооружение радовало свежей зеленой краской, в дверце, на уровне глаз, было прорезано окошко в виде виноградной грозди. Внутри царили уют и благолепие: пауки тарасились без привычного плотоядного блеска в глазах, на стульчаке, обмотанном несколькими слоями тряпок, сидеть было тепло и мягко, а в пределах досягаемости, на гвоздике, нашелся толстенный календарь-ежегодник за тысяча девятьсот семьдесят пятый год, с мягкими страничками и напечатанными на другой стороне анекдотами.

Потом я решил умыться. В комнате был рукомойник, но я подумал, раз во дворе имеется колодец, лучше не беспокоить наставника. К тому же, всегда приятно поплескаться в чистой ледяной воде...

Пробираться к колодезному срубу пришлось с боем. Плети колючей ежевики царапали руки, исполинский репейник цеплялся за штаны и рубаху, на голову сыпалась тонкая пыльца с каких-то желтых цветов, от нее свербело в носу и хотелось чихать. Бадейка отыскалась и вовсе случайно – я об нее, затерянную в кушарях, споткнулся.

Когда начал поднимать железную крышку, всю в кружевах ржавчины, бока прошило острой болью, и я вспомнил весь вчерашний день. Похороны князя, суровую княгиню, знакомство с пестрым населением старухиной избы, кабак и погоню за мертвяком. Ах да, был еще шопинг... Зубы заныли от дурного предчувствия: во что всё это выльется?

Привязав к бадейке оборванную веревку, я сбросил её в колодец, наклонился, чтобы удобнее было тащить, и... Из колодца на меня уставились звезды. Они колыхались в далекой черной воде и негромко пели. Потом, став светлячками, сорвались с мест и закружились в хороводе, меня начало затягивать в этот хоровод, в голове создался вихрь, я понял, что падаю...

Очнулся весь мокрый на траве. Надо мной склонились три морды. Точнее, две морды – кота и вороны, и одно любопытное веснушчатое лицо.

– Кажись, пришел в себя, – сказала Машка, нежно пиная меня в бок.

– Кто? Што? – я ничего не понимал. – Почему я мокрый? Что случилось?

– Еще немного, и искали б тебя на реке Смородине, у камня Алатыря, – промурлыкал кот.

– Меня благодари, – каркнула Гамаюн. – Если бы я тебя в окно не заметила...

– Остались бы, как говориться, от козлика рожки да ножки, – заключила Маха, помогая мне сесть. – В последний момент успели, – похвасталась ворона. – Машка тебя за пояс ухватила, кот за Машку уцепился, я – за кота. Ну, и петух помог. Надо будет наведаться к нему в курятник, отблагодарить... – ворона кокетливо оправила перышки, а Машка прыснула. Птица Гамаюн тут же оскорбленно напыжилась. – А что смешного? Петух, между прочим, мужчина хоть куда. В полном расцвете сил...

– Хорошо, хозяйки нет, – шепнул кот, заботливо обмахивая меня лапками. – Вчерась еще на Лысую гору отбыла... Путь-то неблизкий, туда да обратно – больше ста верст. А была бы дома – сама бы голову тебе отвинтила. За то, что к Водокруту полез.

– Чего? – спросили мы с Машкой в один голос.

– Водяной. Живет он там, в колодце... – пояснил кот и постучал меня по лбу. – Мозг иногда включать надо!

– Я умыться хотел.

– Так на этот случай в доме водопровод есть. Набрал ванну – и плещись сколько влезет! А закаляться вздумал – так холодной напусти и вся недолга. А то могу баньку истопить, только скажи... – раскипятился пушистый домохозяин.

– И правда, Вань, чего ты к колодцу полез? – Маха выдрала у меня из волос репей. – Я, например, в душ ходила. Красотища!

– Ты теперь от водоемов подальше держись, – предупредил кот. – Водокрут на тебя глаз положил.

– Ну, что вы там прохлаждаетесь? – в окне, всё такой же встрепанный, возник Лумумба. – Завтрак стынет.

– Бабке не говори, – попросил я кота, взбираясь на крыльцо.

– Всё одно, узнает, – вздохнул тот. – Попадет мне.

– Тебе-то за что?

– Не углядел за порядком да за гостями. Три шкуры спустит.

Кот задумчиво почесал спину.

– Тогда я сам скажу. Объясню, что ты ни в чем не виноват, а это меня бес попутал.

У кота на глаза навернулись благодарные слёзы. Встав на задние лапы, он пожал мне руку и промурлыкал:

– Спасибо, друг. Век не забуду...

Когда мы ввалились в горницу, громко обсуждая приключение, Лумумба любовался своим отражением в боку самовара, время от времени прикладывая к синяку под глазом холодную ложку.

– А, явились, не запылились.

Мы с Машкой молча проскользнули за стол, ворона, цапнув ватрушку, убралась на полати, и только кот, как ни в чем ни бывало, принялся разливать чай.

– Я вот всё думаю, – завел я издалика. – Должно же у всех убийств быть что-то общее? Если Душегуб – серийный убийца...

– Напарники называются, – вдруг буркнула Маха, погрузив нос в чашку с чаем.

И только сейчас я заметил на её веснушчатой щеке глубокие царапины. Запястье, перевязанное чистой тряпочкой, свежий кровоподтек над локтем... Стало стыдно.

– Слушай, Маш, ты извини, – начал я. – Там такое дело... А как ты вообще дома оказалась?

– Меня благодарите, – каркнула ворона с печи, расклеывая булочку. – Отыскала сиротку, привела домой за ручку...

– Ага, щас, – ощерилась Машка. – Деду Фире скажите спасибо. Послал эту бестию прожорливую узнать, как у нас дела. А "нас" – то уже и нету...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.